

18+

Хроники Арендора

18+

ИЛКЭРЧЕ ХР. О. СР

Мария Казанцева

Мария Казанцева

**Хроники Арендора.
Наследие Хаоса**

«Издательские решения»

Казанцева М. А.

Хроники Арендора. Наследие Хаоса / М. А. Казанцева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696353-5

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ**

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Кровавая Луна пробуждает не только монстров, но и похороненную правду. Печати трещат, магия Арендора утекает сквозь пальцы обезумевшего короля, а Дом Тьмы все глубже увязает во лжи. Его наследники сплотились, но вот только ни один из них не верит в общее дело. Эл Вальдра — обычная девушка с необычным прошлым, которого она не помнит. Но что случится, когда правда о её происхождении вырвется наружу? Сможет ли она противостоять судьбе, если даже самые близкие окажутся не на её стороне? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-696353-5

© Казанцева М. А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Когда пелена спадет	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	50
Глава 11	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Хроники Арентора Наследие Хаоса

Мария Александровна Казанцева

© Мария Александровна Казанцева, 2026

ISBN 978-5-0069-6353-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Мир устроен несправедливо.

Одним суждено гореть в центре пожара, другим – лишь безучастно наблюдать за пепелищем. Кто-то рождается под защитой светового щита, а кто-то – с клинком, выкованным из самой тени. Но есть нечто страшнее, чем неопределенность судьбы.

Неведение.

Не знать, что в твоих венах течет ключ к силе, за которую уже платят кровью. Что сны – это не плод воображения, а украденная память, запечатанная заклятием. Что там, за незримой границей привычной реальности, тебя заждались те, чьи кинжалы уже обнажены.

В королевстве, балансирующем на грани гибели, иссякает древняя мощь. В стенах из черного камня дрожат голоса – они боятся правды, способной обрушить небосвод. Где-то в глубине веков пробуждается то, что должно было спать вечно.

Здесь все предопределено. Свет или тьма. Огонь или вода. Земля или воздух. Жизнь... или смерть. Ты – лишь фигура в игре, правило которой написаны кровью задолго до твоего первого вздоха.

Но Хаос всегда делает последний ход.

И я – его наследие.

Игра началась...

Часть 1. Когда пелена спадет

Глава 1

Свет мерцает, выхватывая из темноты фрагменты мрачного пространства. Стены из почти черного кирпича плывут перед глазами, сливаясь в бесконечный подземный коридор. Воздух здесь ледяной и тяжелый, пропитанный запахом плесени, сырой земли и чего-то металлического, что щекочет ноздри и заставляет желудок сжиматься.

Ноги несут меня вперед сами по себе, будто кто-то дергает за невидимые нити. Куда? Зачем? Разум лихорадочно цепляется за обрывки мыслей, но они ускользают, как песок сквозь пальцы.

Пытаюсь сфокусировать взгляд, но мир превратился в калейдоскоп размытых пятен. Голова кружится так сильно, что череп готов расколоться, а в висках бьет адская дробь – методический ритм приближающегося конца.

Нужно за что-то зацепиться. За звук. За ощущение. За что угодно!

Но в ушах стоит пронзительный звон, вытесняющий любые мысли. Сердце колотится с такой силой, что, кажется, вот-вот разорвет грудную клетку. Каждый удар пульсирует в кончиках пальцев и стучит в горле.

«Эл, дыши... просто дыши...» – бормочу я про себя, но мой голос тонет в этом белом шуме. Язык прилип к нёбу, во рту – вкус меди и страха.

Нужно остановиться. Остановиться сейчас же, иначе...

Дрожащие руки вытягиваются к стене, пальцы цепляются за шершавый кирпич. Но в тот же миг за спиной раздается шорох – тихий, едва уловимый, от которого по спине пробегают ледяные мурашки.

Крик!

Чужой голос, искаженный ужасом, разрывает тишину:

— Лэра¹, вам нужно бежать! Бегите! Скорее, они уже близко! Скор...

Голос обрывается с хлюпающим звуком, будто говорящему вбили нож прямо в горло. И следом – нечеловеческий вопль, такой пронзительный, что кровь стынет в жилах. В этом крике – только чистая, животная агония.

А потом...

Вспышка.

Ослепительный, всепоглощающий свет обрушивается на меня, как волна во время прилива. Он прожигает веки, выжигает сетчатку, превращает мир в белое ничто. Боль – острая, жгучая, невыносимая – пронзает тело, будто меня погрузили в кипящее масло. Колени подкашиваются, мышцы предательски слабеют.

Я... я сейчас упаду.

Сознание прорвалось сквозь сон. Я резко поднялась, опираясь на локти, и мутным взглядом окинула комнату. Мозг, еще вязкий от остатков забытия, медленно, с болезненной неохотой складывал обрывки реальности в знакомую картину.

Та же комната в общежитии – три года моей жизни, упакованные в эти стены, пропахшие дешевым кофе, едой быстрого приготовления и лаком для волос. Напротив – дверь, слева –

¹ Лэра – титул, принадлежащий человеку знатного происхождения.

шкаф, битком набитый вещами, столик с косметикой, рабочие столы, заваленные тетрадами. А у окна, на соседней кровати, сладко посапывает Трикс.

Я резко втянула носом воздух, и от внезапного головокружения мир на секунду поплыл перед глазами.

Сон. Опять этот чертов сон.

За окном уже золотились первые лучи солнца, пробиваясь сквозь пыльные стекла. Значит, пора вставать и тащиться в дурацкую академию. Сессия позади, впереди – два месяца почти беззаботного существования и последний год академического ада перед свободой. Но сегодня утром нас ждала какая-то обязательная лекция о нововведениях в программе. Наша академия, видите ли, решила устроить эксперимент – и именно перед нашим выпуском. Как же мне чертовски повезло.

Ноги коснулись холодного пола, и я окончательно проснулась. Телефон, валявшийся на тумбе, показывал 6:15. Выдохнула сквозь зубы – после таких снов заснуть не получалось. Я швырнула гаджет на подушку и бесшумно поднялась, стараясь не разбудить Трикс.

«Хотя бы у одной из нас сегодня будет шанс на настоящий сон», – пронеслось в голове, пока я, затаив дыхание, поворачивала холодную ручку двери.

Триксит Вильхарт – мой лучик света в этом городе и, возможно, во всем мире. Мы познакомились на первом курсе, при заселении. Нет, это не была история про «взглянули друг на друга и сразу поняли – друзья навек». Когда Трикс меня увидела, то решила, что я высокомерная стерва, которой вечно все не так. А я подумала, что она... слишком. Слишком милая, слишком солнечная, слишком идеальная – ее добродушие поначалу вызвало у меня почти физическое раздражение. Но жизнь – та еще сука!

Хотя в этом случае я только рада.

В зеркале в ванной на меня смотрело бледное лицо с темными кругами под глазами.

– Сегодня в душе придется провести целую вечность... – пробормотала я, снимая пижаму, мокрую от холодного пота.

Вода обожгла кожу, кудри мгновенно намокли и потяжелели, спадая до поясницы. Я закрыла глаза, пытаясь поймать обрывки кошмара. В нос ударил запах плесени, и перед глазами всплыл бесконечный коридор из темного кирпича, уходящий куда-то в черноту.

Подземелье? Бред...

– Эл, ну какое подземелье? Ты просто вымоталась после сессии, – нервно засмеялась я сама над собой, хватая с полочки губку для тела.

Но дрожь не отпускала. Я втирала в кожу гель с ванильным ароматом, пытаясь заглушить запах сырости, который, казалось, все еще витал в воздухе. *Три года.* Три года один и тот же сон. Но сегодня все было иначе – холод, влажность, этот гнетущий страх, будто кто-то наблюдал из темноты...

– Надо напиться, и все пройдет, – буркнула я, вытираясь махровым полотенцем.

Каждое утро меня ждал ритуал: кофе и никотин. *Да, в общаге курить запрещено, но кому какое дело до правил, если никто не видит?*

Усевшись на любимое место у окна, я закинула ноги под себя и уставилась на пейзаж за стеклом. Наша комната выходила на реку Нортвейл – по утрам ее окутывал туман, создавая иллюзию далеких гор, режущих облака. Особенно красиво было во время дождя: тучи опускались ниже, пряча очертания, и только вспышка молнии на миг выхватывала мрачный пейзаж...

– Опять кошмар? – меня вырвал из раздумий сонный голос Трикс.

Она уже знала: если я сижу на кухне с кофе и пялюсь в окно на рассвете — значит, ночь прошла в холодном поту.

– Угу, – кивнула я, натянув слабую улыбку.

– Эл, не парься! Сегодня выходной день, а значит, я не позволю тебе грустить и быть трезвой, – провозгласила Трикс, потягиваясь.

– Ой, вы посмотрите, крошка Ви хочет быть взрослой и выпить в последний учебный день? – усмехнувшись в кружку с кофе, я со звоном опустила ее на стол.

– Во-первых, учеба кончилась еще неделю назад. Во-вторых, по закону – я взрослая. А в-третьих, – она ткнула пальцем в мою чашку, – ты опять забыла про подставку!

– Собирайся, иначе твой парень будет опять душнить, что мы опаздываем... – мой монолог прервала картонная подставка с Капитаном Америкой, прилетевшая мне в лоб.

– Эй, не хочу, чтобы мой кофе охранял Капитан Душила! Дай мне Железного человека! – крикнула я, но Трикс лишь показала средний палец и скрылась в ванной.

Я замерла перед шкафом, презрительно разглядывая свой скудный гардероб. Выбор наряда для этого «чудного» мероприятия в выходной требовал особого цинизма.

– В чем пойдешь? – спросила я, с грохотом вываливая на кровать груды вещей.

Не скажу, что меня сильно заботит внешний вид, но иногда хочется выйти за рамки привычной униформы: из черных джинсов, кроссовок и мешковатых футболок, прикрывающих мои шрамы на торсе. Те, что на руках, меня уже не смущали – тонкие белые линии.

– Я надену это голубое платье и босоножки, – Трикс закружилась перед зеркалом, сбрасывая тюрбан с мокрой головы. – Тепло же, можно убить двух зайцев – и на лекцию, и на вечеринку.

– Хм, – я скривила губы, глядя на миниатюрную крошку Ви.

Несмотря на упрямый характер, Триксит напоминала фарфоровую куклу: светлые волнистые волосы, кожа цвета карамели, глаза как два песчаных островка, маленький носик и слегка пухлые губы. Ее фигурка с точеными изгибами и невысоким ростом на моем фоне выглядела крошечной – отсюда прозвище «крошка Ви» (сокращенно от Вильхарт).

Я же была ее полной противоположностью. Почти метр восемьдесят роста, подтянутое тело, длинные ноги и пышная грудь. Пушистые огненно-рыжие кудри, глаза цвета ледяной голубизны, прямой нос с вздернутым кончиком. Пухлые губы, складывающиеся в саркастическую ухмылку, и бледная кожа, на которой редкие веснушки выглядели как случайные брызги краски.

Следующие несколько часов ушли на сборы. Я собрала непослушные кудри в небрежный пучок, подчеркнула глаза стрелками, добавила румяна и вишневый блеск для губ. Серый кроп-топ, черную мини-юбку и любимые кроссовки с пантерой – мой сегодняшний вариант шика. Трикс осталась верной своим словам, дополнив образ вечерним макияжем.

Не успела я затолкать вещи в рюкзак, как раздался стук во входную дверь.

– Ой, это Ник, – завизжала Трикс, снося на своем пути тапочки и половину косметики.

Я нарочно задержалась в коридоре, давая влюбленным пару лишних секунд:

– Оставьте кислород другим людям, – раздался ехидный голос Кита.

Эти двое были живым доказательством теории параллельных вселенных – будто один человек, разделенный на две противоположные версии. Ник и Кит близнецы, с чертовски привлекательной внешностью почти для всех, даже парней.

Каштановые волосы – намеренно небрежные у Кита и аккуратно уложенные у Ника. Одинаково грубые, мужественные черты лиц, но если у Ника они смягчались застенчивой улыбкой, то у Кита подчеркивались вызывающим взглядом. Ростом они оба чуть превосходили меня, что само по себе было достижением.

Но главная их особенность – глаза. Природа сыграла с ними в удивительную игру: у Ника правый глаз голубой, как зимнее небо, левый – тепло-карий. У Кита – точная противоположность, словно создатель специально оставил отличительный знак.

Их атлетичные фигуры могли бы украсить обложку любого журнала. Только Ник скрывал телосложение под мешковатыми свитерами, выбирая роль «ботаника», а Кит, напротив, бросал

вызов миру обтягивающими футболками. Весь его вид буквально кричал: «Я трахну тебя при первой возможности, и тебе это понравится».

– Милая, ты в юбке... – Кит подмигнул так преувеличенно, будто у него начался нервный тик. Его взгляд бесцеремонно скользнул вниз. – Это стратегический ход? Чтобы я быстрее добрался до главного приза?

Проходя мимо, я намеренно толкнула его локтем.

– Только если главный приз – твой сломанный нос, – бросила я через плечо.

– О-о-о! – он прижал руку к груди, изображая раненое сердце. – Значит, шансы есть? Нужно лишь пролить кровь, как истинному воину?

Кит пропустил меня вперед с театральным поклоном, и его взгляд прилип к моим бедрам явно не из галантности.

Между Трикс и Ником искра пробежала мгновенно – будто кто-то замкнул контакты в день нашего знакомства. А поскольку близнецы всегда были неразлучны, как две половинки одного идиота, мне в нагрузку достался Кит с его похабными шутками.

Раньше это выводило меня из себя. Но теперь я выработала иммунитет – он стал для меня чем-то вроде фонового шума. Назойливый комар, жужжащий над ухом во время пикника. Пусть летает – главное, чтобы не кусал. Хотя... если перейдет границы – его прихлопну.

Глава 2

Аудитория была забита до отказа. Нам едва удалось протиснуться на задние парты у окна, чему я была только рада – отсюда открывался отличный обзор на парковку.

– Говорил же, нужно было прийти раньше, – проворчал Ник, галантно Трикс вперед. Его пальцы на мгновение задержались на ее талии – почти рефлексное движение, будто он боялся, что она исчезнет.

– Ничего, тут отличные колонки, лектора будет слышно, – успокоила его Трикс.

Мы с Китом синхронно закатали глаза. Меня удивило такое столпотворение: здесь собрался почти весь поток, даже преподаватели подтянулись. Пространство напоминало античный амфитеатр – ряды парт и скамеек спускались к помосту, где стояли тумба с микрофоном и преподавательский стол. Дизайн был строгим: высокие белые потолки, светлые стены в пастельных тонах, деревянные полы и шкафы. Лишь кое-где на стенах висели портреты ученых прошлого, да несколько кадров с неприхотливыми растениями, но явно страдающими от недостатка внимания. В этой аудитории единственную свободную стену занимал огромный экран с уже запущенной презентацией – на нем мерцала заставка с логотипом академии.

В воздухе внезапно повисла тишина, как только в аудиторию вошли ректор и незнакомец – очень высокий мужчина. От него буквально исходила мощная, почти физически ощущаемая энергетика, заставляющая непроизвольно задерживать на нем взгляд. По рядам прокатился шепот, девушки тихо хихикали и кокетливо поправляли волосы, а кто-то даже вставал со своих мест, пытаясь привлечь его внимание. Даже крошка Ви, обычно не отрывавшая взгляда от Ника, замерла, уставившись на вошедших.

Ректор Кроунгейт – невысокий мужчина с сединой на макушке и в огромных очках, закрывающих половину лица – подошел к тумбе с микрофоном. Поправив свой двубортный пиджак в серую клетку, он постучал по микрофону, и резкий звук ударил по ушам.

– Уважаемые слушатели! – его голос прозвучал неожиданно громко, заставив пару студентов на первых рядах вздрогнуть. – Я рад видеть вас в выходной день в стенах нашего учебного заведения! Спасибо, что отнеслись с уважением к нашему эксперименту по введению новых лекций в вашу программу будущего года. Надеюсь, вы не будете разочарованы.

Он выдержал паузу, и в этот момент по аудитории прокатились новые смешки.

– Позвольте представить вам нового преподавателя – профессора Нокта Блэкхарта!

Аплодисменты заполнили аудиторию, когда ректор уступил свое место у микрофона. Новый профессор шагнул вперед с грацией хищника, и солнечные лучи, пробившиеся сквозь высокие окна, на мгновение осветили его лицо.

– Добрый день, – его голос, низкий и грубый, заставил меня непроизвольно вздрогнуть. – Можете звать меня просто профессор Нокт.

От его голоса у меня по спине прошел холодок, волосы на руках встали дыбом, хотя за окном стояла летняя жара.

Профессор медленно окинул аудиторию оценивающим взглядом, и мне показалось, что он задержался на мне чуть дольше, чем на других. Солнечный свет продолжал играть на его лице, и в этот момент его глаза – казавшиеся сначала просто темными – вдруг вспыхнули фиолетовым.

Фиолетовым?

Я проморгалась, но, когда снова взглянула на профессора, его глаза были обычными – глубокими, темными, как безлунная ночь.

– Что же, думаю вы готовы послушать мою ознакомительную лекцию. Предупреждаю сразу – данная дисциплина будет дополнительной. Посещение – по желанию.

Раздался кашель ректора.

– Извините, ректор Кроунгейт, но думаю ребята уже достаточно взрослые и сами вправе выбирать за что будут получать... – Нокт нагло улыбнулся, и аудитория снова заполнилась тихим смехом, – плохие оценки!

Я жадно вглядывалась в него, пытаюсь понять, что же во мне так откликается на его присутствие.

Его черные, как смоль волосы были уложены назад, и лишь пара прядей спадали на высокий лоб, придавая ему слегка небрежный, почти озорной вид. Темные глаза, скрытые под густыми бровями, казались бездонными, а морщина на лбу выдавала возраст. *Думаю, ему немного за тридцать.* Когда он молчал, его губы складывались в тонкую, напряженную линию, но стоило ему улыбнуться – и на скулах проступили ямочки, делая его внезапно моложе.

– Сегодня я хотел бы обсудить с вами теории возникновения мира, – профессор щелкнул пультом, и на экране появился заголовок: «Хаос».

Меня передернуло. В сознании всплыли обрывки каких-то образов – темные силуэты, смутные голоса, ощущение падения. Я вцепилась в край парты, стараясь не выдать своего состояния.

– Думаю, многие согласятся, что, если исключить религиозные концепции, остается лишь одна общепринятая теория о возникновении вселенной. Но что было до? Кто-нибудь может предположить?

Его пронизывающий взгляд скользнул по аудитории, и я почувствовала, как что-то внутри меня сжимается.

– Пустота? – выкрикнул Ник, и все взгляды, включая профессора, устремились на нашу четверку.

– Верно, – кивнул Нокт. – Но, если рассматривать эту пустоту... будет ли в ней что-то?

Тишина в аудитории стала почти осязаемой. Даже преподаватели не решались высказать свои предположения.

А в моей голове снова зазвучали голоса. Но уже отчетливее. Громче.

– *Все произошло от Хаоса... даже частицы в пустоте двигались хаотично, – произнес мужской голос, глубокий и спокойный.*

– *Ими что, управлял сам Хаос?! – звонко перебил детский голосок.*

– *Можно и так сказать... – раздался добрый смех.*

Я тряхнула головой, пытаюсь прогнать навязчивые образы, и неожиданно для себя прошептала:

– Частицы...

– Верно!

Профессор Нокт отреагировал мгновенно, явно ожидая правильного ответа.

– Как Вас зовут, мисс?

Я была уверена, что прошептала это лишь про себя, но, подняв глаза, встретила его взгляд – пронзительный, оценивающий.

– Эл... просто Эл, – ответила я, и мой голос звучал хрипло, словно я только что пробежала марафон.

Десятки глаз, полных зависти, уставились на меня.

– Что ж, «просто Эл» совершенно права, – его губы растянулись в улыбке, обнажив белые, слишком ровные зубы.

Я заерзала на стуле, чувствуя, как все мое тело напряглось. Мне было плевать на внимание окружающих, но то, что профессор выделил именно меня...

– Ты чего? Все в порядке? – Трикс наклонилась ко мне и прошептала.

– Да просто голова разболелась, – пробормотала я, потирая виски, но не сводя глаз с Нокта.

Я перестала воспринимать слова профессора – звуки проплывали мимо, не достигая сознания. Это было больше, чем дежавю. Это было как вспышка – яркая, болезненная, выжигающая изнутри, оставляющая после себя не пепел, а щемящее ощущение утраты чего-то важного.

«Частицы Хаоса» – фраза на экране пульсировала перед глазами, совпадая с ритмом моего учащенного сердцебиения. В висках стучало, а в ушах звучал тот самый голос – спокойный, глубокий, с легкой хрипотцой:

«Представь Пустоту, дитя мое. Абсолютную. Где нет ни времени, ни формы. И вот – первая вспышка, первое движение. Первая частица, брошенная рукой Хаоса...»

Раздался детский смех – звонкий, живой и такой... знакомый.

«А они... они живые?» – спросил наивный, доверчивый голосок.

«В своем роде. Они – начало жизни, дитя мое...»

Я резко вздохнула, вжав ногти в ладонь. Резкая боль вернула меня в аудиторию, но видение не отпускало – где-то в глубине сознания шевелилось понимание, что это не просто голоса. Это память.

Моя память.

Меня нашли в коме на окраине Нортвейла три года назад. Несколько дней врачи не понимали, что со мной: никаких серьезных повреждений, только множество мелких порезов на теле – но не на лице.

Я очнулась, помня только свое имя – Эл Вальдра – и возраст: восемнадцать лет. Детство, семья, друзья – все стерто. При себе у меня была небольшая сумка с документами, но адрес в них оказался фальшивым. Даже сводки о пропавших не дали результатов.

Будто меня и вовсе не существовало.

Судьба свела меня с мистером Логаном – хозяином книжного магазинчика в центре города. Он помог мне обустроиться, дал работу и негласно стал моим опекуном.

– Ты моя новая диковинка, – сказал он, забирая меня из больницы.

Как выяснилось у меня были базовые знания, которые помогли набрать на вступительных больше баллов, чем у половины факультета – и вот я здесь: в Аркхольдской Академии Наук (ААН). Самое престижное учебное заведение в Нортвейле. За свои заслуги я получила квартиру-студию в общежитии и стипендию, которой на многое не хватает, но благодаря мистеру Логану могу позволить себе неплохую жизнь.

Триксит ткнула меня локтем в бок, выдергивая из оцепенения.

– Ты бледная как смерть, – в ее глазах читалось беспокойство.

Я машинально провела рукой по лицу. Внутри все горело. Обрывки были настоящими, чем-то большим, чем сон или фантазия. Они пахли металлом и старыми книгами. Они звучали лязгом металла и далекими ударами колокола. Они...

Трикс снова легонько меня толкнула, но я просто кивнула, не в силах что-либо объяснить.

Как рассказать, что в твоей голове вдруг ожили куски жизни, которую не помнишь? Что слова профессора не просто задели – они разворошили что-то глубоко запечатанное.

И самое страшное – часть меня узнавала все это. Не умом. Чем-то глубже. Клетками. Кровью.

Я заметила, что лекция подошла к концу, когда студенты с передних парт стали подниматься.

– Ну что, мы будем ходить на его лекции? – Спросила Триксит у меня, кивая в сторону профессора.

Мои мысли еще были далеки от сознания, чтобы принять какое-то решение, поэтому я спросила в ответ:

– А парни что думают?

– Мы за! – в один голос ответили близнецы.

Я же вопросительно на них посмотрела.

Ник с его вечной тягой к любым знаниям – это одно. Но Кит? С тех пор как мы познакомились, он ни разу добровольно не открыл учебник, предпочитая «практические занятия» в местных клубах. Это было настолько неожиданно, что мой взгляд бегал от одного брата к другому, проверяя, не подменили ли нам второго близнеца.

– Было познавательно, – заявил Ник. – И профессор упомянул о практических занятиях в конце курса.

– И, судя по всему, сюда будет ходить куча цыпочек, – подмигнув девушке с нижнего ряда, добавил Кит.

Вот доказательство, что Кита все-таки не подменили.

– Единственные цыпочки, которые тебе светят, живут в курятнике, – фыркнула я, забирая у парня листочек с именами тех, кто записался на посещение лекций.

Ник и Триксит громко рассмеялись. Кит скорчил гримасу – его страх перед птицами стал нашей любимой темой для шуток. Помню, как мы подарили ему попугая – он орал так, что бедная птица снесла яйцо. Ирония в том, что острые крылышки он уплетает за обе щеки.

Вписав наши имена (я вывела свои каракули специально неразборчиво, чтобы была возможность чаще пропускать), мы застряли у выхода. Профессора окружил рой студенток, пахнущих дешевыми духами и амбициями. Их фальшивый смех резал уши. Мы пробирались к двери, как сквозь джунгли – я локтями, Кит похабными фразочками, Ник извиняющимися улыбками, таща за собой Трикс.

Только позднее все поймут, что это сборище было бессмысленным.

Устроившись на лавочке в тени парковки, я закурила, затягиваясь так, будто это первый глоток воздуха после утопления. После тех видений меня еще не до конца отпустило – тело покрывал липкий слой непонимания.

Кит придвинулся ближе, его колено, обтянутое джинсовой тканью, шаркнуло по моей оголенной коже.

«Блять, все-таки придется купить средство от насекомых», – подумала я, делая очередную затяжку.

– Хочу попробовать твои губы на вкус, – прошептал он. Его голос был сиплый, с нарочитым придыханием.

Я повернулась медленно, зная, что этот идиот специально меня раздражает.

– Конечно, дорогой, – прошептала я в ответ и выдохнула дым в его самодовольное лицо. Он, не ожидая такой подставы, закашлялся и отпрянул. Я лишь довольно хмыкнула.

Рев мотора разрезал тишину. По парковке, оставляя темный след на асфальте, прокачнулся черный «Кадиллак». В ААН богатые детишки ездят на других авто, но этот... Он был другой. Не кричащей о богатстве, а опасный.

– Кто бы это... – начала Триксит.

– Интересно, значит?! – Ник притянул ее к себе, его крупная ладонь по-собственнически легла на ее талию.

«Запахло ревностью», – подумала я, туша сигарету.

Машина припарковалась прямо напротив нас. Водительская дверь открылась, и показался силуэт мужчины.

Я затаила дыхание.

Воздух вокруг стал плотнее, пространство будто сжалось, оставив только его.

Мужчина вышел, и мне удалось рассмотреть его со спины. Черные джинсы подчеркивали накаченные ноги, футболка обрисовывала рельеф мышц, перекачивающихся при каждом движении. Когда он положил руки на крышу автомобиля, я заметила тату – темные линии сползали с предплечья правой руки на шею.

А потом... он повернулся.

Земля ушла из-под ног. Сердце бешено забилося, пытаюсь вырваться наружу. Он был похож на профессора Нокта, но моложе. Такой же острый профиль, смоляные волосы, растрепанные, будто он только что вышел из драки. Легкая щетина на скулах придавала лицу жесткий шарм. Узор тату покрывал шею спереди, перетекая к ключице, точно оковы.

– Едем! – крикнул профессор Нокт, спешащий к машине.

Но перед тем, как сесть за руль, незнакомец замер. В этот миг его взгляд настиг меня – пронзительный и неотвратимый. Черные глаза, глубокие, как ночное небо, заставили сердце совершить болезненный кульбит. Я моргнула, пытаюсь разорвать это притяжение, но было поздно – его образ уже выжег себя в моем сознании.

Машина рванула с места, оставив после себя запах горячего асфальта и чего-то электрического, как после грозы.

Разговоры ребят ушли на второй план, превратившись в далекий гул. А я все еще смотрела вслед, загнипнотизированная, пока черный «Кадиллак» не растворился в потоке машин.

Кто же ты?

Глава 3

Каждый год после сессии золотая молодежь Нортвейла закатывает шумные вечеринки в Шато Бельмонте – белоснежном замке на берегу реки. Владелец поместья, Оскар Бельмонте, входит в список богатейших людей округа и по совместительству является отцом нашей «обожаемой» одноклассницы Карин.

С первых дней учебы она обрушила на нас всю свою ненависть. Мы с Триксит прошли через настоящий ад: от откровенных оскорблений до стычек. *Эта сучка чуть не сломала мне нос, но и мы в долгу не оставались.* Триксит подставила ее на конференции, заменив ее доклад копией диссертации ректора Кроунгейта. Разразился нешуточный скандал, и лишь вмешательство папочки помогло Карин замять дело. Я же пустила слух, что она спит с преподавателем, чтобы избежать отчисления. *Плагиат – это плохо, а сплетни – еще хуже.*

Со временем мы поняли, что Карин не столько злая, сколько несчастная. Ее агрессия была криком о внимании, которого ей не хватало от вечно занятых родителей. Теперь у нас действовало негласное правило: мы не трогаем ее, она – нас.

Шато Бельмонте выполнен в лучших традициях былой роскоши: белый камень, взмывающие в небо башенки, террасы с ажурными перилами и золотая лепнина на фасаде. Территория простиралась на несколько гектаров. На входе нас встретила ветвистая аллея, ведущая в «скромный» сад миссис Бельмонте. В сам дом «простым смертным» путь заказан – туда вели отдельные ворота только для членов семьи.

– Кажется, Карин превзошла саму себя, – буркнула Трикс, сжимая руку Ника.

Мы шли пешком от кафе, поэтому успели оценить масштаб шоу – музыку было слышно даже на другом берегу Нортвейла. Летом в нашем городке передвигаться пешком было куда приятнее, чем торчать в пробках в такой духоте.

Задний двор поразил размахом. Карин явно не собиралась экономить: популярный диджей, танцовщицы в откровенных нарядах, кружившие на возвышениях вокруг музыкальной установки, бассейн размером с озеро, переливающийся огнями светомузыки. Дым-машины заполняли пространство густым туманом, превращая толпу в силуэты, вспыхивающие под стробоскопами. У воды студенты оккупировали шезлонги, у бара не осталось свободных мест. Лишь у фуршета народу было меньше – алкоголь интересовал гостей больше закусок.

– Боги, она даже фонтан с шампанским поставила! – я ткнула пальцем в центр композиции, где золотистая жидкость била прямо из скульптуры обнаженного Аполлона.

– Идиотизм, – Трикс скривила губы. – Половина уже пьяна, сейчас кто-нибудь утонет в этом бассейне.

– Расслабься, – Кит уже шагал к бару, на ходу стягивая футболку. Его загорелая спина блестела под неонами. – Если я пойду ко дну – сделайте мне искусственное дыхание.

– Обойдешься! – крикнула я вдогонку, но он лишь помахал рукой, растворяясь в толпе.

Музыка била в грудь, басы вибрировали в ребрах. Воздух стал густым от смеси алкоголя, пота и дыма. Мы с Трикс и Ником двинулись к стойке, протискиваясь между пьяными танцующими телами.

– Три виски-кола! – Ник перекрикивал шум.

У стойки освободился стул, и я юркнула на него быстрее какой-то девицы. Та фыркнула, но я лишь мило улыбнулась. Бармен катнул мне стакан и подмигнул. Я усмехнулась: знаки внимания от таких парней не в счет. Хотя выглядел он убийственно: загорелая кожа блестела под софитами, мышцы играли при каждом взбалтывании шейкером, а низко сидящие шорты и торчащая из кармана футболка делали его похожим на актера качественного порнофильма.

– За окончание! – Ник поднял бокал. Мы чокнулись.

Я опрокинула виски-кола залпом. Холодная жгучая волна прокатилась по горлу, разливаясь теплом в груди. В этот момент зазвучал трек «I got you Bebe Rexha», и Триксит взвизгнув, потащила Ника на танцпол. Тот бросил мне виноватый взгляд и исчез в толпе.

Стробоскопы рвали темноту на клочья. Дым стелился по деревянному настилу, скрывая ноги – казалось, толпа парит в воздухе. Музыка вгрызалась в виски, вбивала ритм прямо в кости. Триксит смеялась, закинув голову, а Ник смотрел на нее так, словно внезапно понял всю абсурдность мироздания. Его пальцы осторожно скользили по ее талии. Она вздрогнула, сжимая в руках его рубашку, будто боялась, что он исчезнет, если его отпустить.

Я наблюдала за ними, сжимая пустой стакан. Они были идеальны. И от этого внутри скребли кошки.

Я рада за Триксит. Честное слово. Но каждый раз, когда Ник жаждет ее, как последний поток воздуха, мне хочется исчезнуть. Не из-за зависти. Из-за потери.

Последний раз, когда кто-то смотрел на меня так, закончился пиздецом.

Элион.

Мы встречались всего полгода. С ним было проще, чем дышать. Он был старше, выпускник, а я – первокурсница, пахнувшая наивностью. Он шептал, что я не похожа на других, и я верила. Он стал моей крепостью, целовал мои шрамы, шептал: «Ты сильная».

Я была уверена – меня любят.

А потом...

На вечеринке его друзья рассказали правду. Все это время шел спор: кто из них «снимет» больше первокурсниц.

Элион выиграл.

Я не закричала. Не разрыдалась. Просто завела кулак и со всей дури врезала ему в лицо. Хруст костей, алые брызги на белой футболке, его шокированный вопль – я запомнила каждый звук.

Вместе с его сломанным носом сломалась и я.

С тех пор я больше не верю ни во что: ни во взгляды, ни в обещания. Только удовлетворение. Без иллюзий. Без последствий.

И да – в постели он был ничтожен.

Горькая усмешка искривила мои губы. Я отвела взгляд от друзей, но их счастье все равно обжигало. Бармен молча пододвинул свежий стакан. Лед звонко забрякал, когда я взяла его в руки, но даже холодное стекло не могло погасить то странное жжение, что разливалось под кожей. Алкоголь в этот раз не принес желанного забытья – лишь едкое тепло. Я крутила стакан в пальцах, а взгляд сам собой скользил по толпе, будто искал кого-то...

И нашел.

Он сидел на плетеном диване, откинувшись назад с непринужденной грацией хищника. Одна рука лежала на спинке, демонстрируя тонкие черные линии тату – они оплетали предплечье, как древние оковы, уходя под закатанный рукав. Бронзовая кожа блестела в свете гирлянд, а дым от сигареты создавал завесу между ним и миром.

Наши взгляды встретились. Окружающее пространство потеряло четкость. Он смотрел не как Элион – без похотливой оценки. Его взгляд был тяжелым. Глубоким. Знающим. Будто он видел не только меня, но и все те мысли, что я так тщательно прятала.

Смех, голоса – все растворилось в гуле крови в висках. Остались только мы двое, разделенные несколькими метрами, которые вдруг показались одновременно и бесконечными, и ничтожно малыми. Казалось, что если я протяну руку, то смогу ощутить жар его кожи под своими пальцами, смогу...

«Доверься мне. Ведь я понимаю тебя...» – пропела певица, и по моей спине пробежали мурашки. Воздух стал густым, как мед, и каждый вдох требовал усилий. Сердце колотилось так громко, что я испугалась – он услышит этот стук.

Незнакомец медленно поднес сигарету к губам. Его губы – полные, слегка искаженные полуулыбкой – сомкнулись вокруг фильтра. Огонек вспыхнул ярче, прожигая бумагу, и я ощутила себя этой сигаретой. Будто его губы обхватили не фильтр, а меня. Будто его дыхание стало тем огнем, что выжигал все внутри, оставляя лишь пепел, готовый рассыпаться от первого же прикосновения.

Я сжала бокал так сильно, что стекло затрещало под пальцами.

Он выдохнул.

Дым спрятал его черты, и я наконец смогла отвернуться, сделать глоток, чтобы смочить внезапно пересохшее горло.

Но покалывание на коже не исчезло – будто невидимые пальцы все еще скользили по моей шее, оставляя следы. Чувства смешались в водоворот, но я понимала, что сейчас преобладает одно – желание, пульсирующее в такт музыке.

Шум толпы внезапно прорвался сквозь грохот басов, ворвавшись в мое сознание, как ледяной нож в горячую плоть. Этот звук – хаотичный, тревожный, полной скрытой угрозы – заставил меня обернуться с неприятным предчувствием, сжимающим желудок в тугий узел.

Кит стоял в центре образовавшегося круга, его торс блестел под мигающими стробоскопами. Каждое движение его мышц под кожей было четким, отточенным, как у хищника, замершего перед смертельным прыжком. В его позе читалась опасная грация, напряжение стальной пружины, готовой сорваться в любой момент.

– Ты облапал мою девушку! – кричал крупный парень с параллельного потока. Его лицо, красное от ярости, искажалось с каждым словом, превращаясь в маску первобытной злобы. Капли слюны летели из его перекошенного рта, блестя в мигающем свете.

– На ней не написано, что она твоя, – спокойным, но опасным тоном ответил Кит, и в этот момент на его обычно симпатичном лице появилась убийственная ухмылка, от которой по коже побежали мурашки. В его глазах плясали огоньки, словно за внешним спокойствием скрывалась целая буря, готовая вырваться наружу.

Я рванула сквозь толпу, расталкивая пьяных студентов. Воздух был пропитан потом и травяным дымом.

Парень был ниже Кита, но превосходил его своим телосложением. Его бицепсы, обнаженные майкой-алкоголичкой, напоминали дубовые сучья, а шея была толще моей ляжки, покрытая сетью набухших вен. Рядом с ним стояла миниатюрная девушка, ее смоляные волосы прикрывали лицо, как траурная вуаль. Тонкие пальцы девушки дрожали, теребя край короткого платья, которое облегалo ее фигуру, как вторая кожа.

«А вот и причина этого спора», – мои глаза бегали от одного парня к другому, анализируя ситуацию с холодной ясностью, которая иногда приходит в моменты опасности.

– Я могу написать это на твоём лице, – оскалился здоровяк, обнажая кривые, желтоватые зубы.

Он замахнулся левой рукой, целясь Киту в живот. Кит ловко увернулся, как опытный боец, его движения были отточены годами уличных драк. Но здоровяк не отступал – замахнулся правой рукой и попал Киту в челюсть. Голова откинулась назад. Глухой звук удара прокатился по толпе, заставив несколько человек непроизвольно ахнуть.

В моей груди похолодело, я прижала руку к сердцу, словно могла заставить его биться медленнее, а рот наполнился слюной с привкусом страха. Толпа завопила, и было непонятно – нравится им это зрелище или они хотят поскорее вернуться к вечеринке.

– Кит! – мой голос сорвался на крик, ставший хриплым от ужаса, когда я увидела, как из его рта стекает алая струйка крови.

Я расталкивала всех руками, не чувствуя ничего, кроме адреналина, горячего и горького, заполняющего каждую клеточку моего тела. В голове была только одна мысль – спасти Кита, помочь, защитить, даже если придется самой стать щитом.

Кит отшатнулся назад и готов был нанести здоровяку ответный удар, но я влетела в круг и встала между ними, раскинув руки, как живой барьер, готовая принять удар на себя.

– Хватит! – голос прозвучал грозно, неожиданно даже для меня самой.

На лице здоровяка играла победоносная улыбка, но он сделал шаг назад, явно удивленный моим безрассудным поступком. Я повернулась к Кита, и в его хмуром взгляде читалось ясное «Не мешай». Он провел большим пальцем по рассеченной губе и усмехнулся, кровь окрасила его палец в темно-красный, прежде чем он отодвинул меня в сторону.

Здоровяк оглядел толпу и провозгласил с фальшивой торжественностью:

– Прячься за юбкой.

– Кто сказал, что я прячусь? – в голосе Кита звучала сталь.

– Знаешь, – здоровяк сделал паузу и окинул меня оценивающим взглядом, от которого я почувствовала себя грязной. – Может, мне тогда стоит попробовать твою сучку?

Кит зарычал и готов был кинуться на этого урода, но я схватила его за запястье, чувствуя под пальцами быстрый, яростный пульс. Я вынудила его посмотреть на меня и спокойным тоном произнесла:

– Он того не стоит, – в глазах Кита промелькнуло что-то, что я не смогла расшифровать, какая-то глубокая, незнакомая эмоция.

Музыка стихла, кто-то выключил звук, а вокруг нас собралось столько народу, что можно было почувствовать себя актерами на сцене перед враждебной аудиторией. Стробоскопы продолжали мигать. Я ненавидела быть в центре внимания, но сейчас мне было плевать – нужно было только увести Кита и не позволить ему совершить ошибку.

У него и раньше были проблемы с гневом. Ему было все равно, есть ли у девушек парни. Он придерживался единственного правила: «Если девушка готова раздеться сейчас, мне плевать с кем она была минуту назад». Мы не раз становились свидетелями подобных разборок, но чаще они проходили в местах, где не было знакомых лиц. Сейчас, я переживала, что, если разразится скандал, Кита могут выгнать из академии. И если ему не хватает мозгов действовать здраво, то я буду думать за него.

Я сжала руку Кита сильнее, давая понять, что нам лучше уйти. Мы уже повернулись спиной к здоровяку, и это стало нашей главной ошибкой.

– Держите его, – крикнул тот, и его голос прозвучал как приговор.

Я почувствовала, как Кита с силой потянули в сторону. Не ожидая такого поворота, моя хватка на его запястье ослабла, и я повалилась вперед, хватаясь за воздух в поисках равновесия.

Двое парней, не уступающих Кита по телосложению, схватили его под руки и оттащили в центр толпы. Он дергался и сыпал ругательствами, пытаясь вырваться. Его голос, обычно такой уверенный, теперь звучал хрипло, почти животно, как рык загнанного в угол зверя. Я оглядела толпу в надежде найти помощь, но никто из присутствующих не сдвинулся с места, их лица были масками равнодушия и скрытого любопытства.

«Блять. Где Ник?», – пронеслось у меня в голове, пока я продолжала сканировать зрителей.

Здоровяк подошел вплотную к Кита. На его толстой шее выступили вены, налитые кровью, лицо покраснело, напоминая перезревший помидор, готовый лопнуть от внутреннего давления.

– Мне следует преподать тебе урок, – он замахнулся и ударил Кита в живот так, что у него выбило весь воздух из легких. Тот закашлялся, и его ноги подкосились. Парни пошатнулись, не удержав моего друга, и Кит с громким стуком упал на колени. Звук удара прозвенел в моей голове, тошнота подкатила к горлу. Я не понимала, что могу сделать, чувствуя себя беспомощной.

– Рекс, прекрати! – завопила девушка, из-за которой началась эта перепалка, ее голос дрожал.

Громила по имени Рекс развернулся, прекращая упиваться победой над Китом. Он шагнул в сторону девушки, тыча в нее пальцем, та сделала шаг назад, но толпа не дала ей возможности скрыться.

– Замолчи, Алисия! – его глаза налились кровью, было видно, что он еле сдерживается. – Ты. Очередная. Тупая. Сука.

От каждого выделенного слова, девушка вздрагивала, ее тонкие ручки обхватили плечи в тщетной попытке защититься. Она тихо всхлипывала, и только ее плач разрушал внезапно наступившую тишину. Даже природа вокруг замерла, словно ожидая развязки.

Рекс повернулся ко мне. Стробоскопы подсветили его лицо в ритме, напоминающем удары моего сердца – резкие, неровные вспышки. Он оскалился, а меня окатило волной первобытного ужаса. Громила приблизился ко мне на пару шагов, и я ощутила, как от него несет алкоголем, потом и чем-то еще... Травкой.

«Он же обдолбан», – его глаза сузились, словно он прочитал мои мысли.

Но я не сдвинулась с места, стараясь не издавать ни звука, понимая, что любое движение может спровоцировать атаку. Мозг лихорадочно цеплялся за идеи, как выбраться из этой ситуации живыми, перебирая варианты с быстротой шахматного компьютера.

Боковым зрением я заметила, как Кит дернулся в хватке парней, когда Рекс встал передо мной. Он протянул к моему лицу руку, на которой была кровь моего друга. Алые бусины упали на деревянный настил, между нами, как первые капли дождя перед бурей, предвещая нечто страшное.

– Только тронь ее, – зашипел Кит, но прихвостни Рекса тряхнули его, как тряпичную куклу.

– А кто мне запретит? – Рекс повернулся и посмотрел на Кита с победоносной улыбкой, которая не сулила для меня ничего хорошего. – Все же я поиграю с этой сучкой.

Адреналин ворвался в кровь внезапным вихрем, заставив сердце колотиться в такт первобытному ритму опасности. Каждая клетка тела взбунтовалась против унижения, против этого наглого вторжения в мое личное пространство. Я почувствовала, как ногти впиваются в ладони, оставляя на коже красные полумесяцы.

«Я больше не позволю никому играть со мной», – эта мысль прорезала сознание с кристальной ясностью.

Удар родился сам собой – точный, яростный, несущий в себе всю накопившуюся злость за сегодняшний вечер. Костяшки с хрустом встретились с его челюстью, и по руке разлилось странной тепло, смешанное с пронзительной болью. На его левой щеке остался красный след от удара, но я не испытала облегчения – только леденящий ужас, когда встретилась с его взглядом.

Эти прежде насмешливые зеленые глаза затянулись черной пеленой. В них не осталось ничего человеческого, только ярость хищника, получившего неожиданный отпор.

Я совершила роковую ошибку.

– Зря, – его ноздри раздулись, как у разъяренного быка.

Рекс замахнулся левой рукой, в попытке отвесить мне звонкую пощечину. Я инстинктивно отпрянула назад, наткнувшись на что-то твердое и неожиданно надежное. Сделав глубокий вдох, я почувствовала аромат табака, мускуса и мяты, который мгновенно заполнил легкие, странно успокаивая среди этого хаоса. Я зажмурила глаза и вжалась в чье-то тело сильнее, готовясь к удару.

Прошла секунда. Две. Три...

– Какого... – прорычал Рекс, но теперь в его голосе слышалась не злость, а недоумение.

Я открыла глаза и увидела, что его рука зависла в нескольких сантиметрах от моего лица. Чужая ладонь – сильная, с татуировкой в виде переплетенных линий на бронзовой коже – сжимала запястье Рекса.

– По-моему, девушка сказала «хватит», – голос за моей спиной прозвучал тихо, но с таким убийственным спокойствием, что по спине пробежал холодок.

Когда я обернулась, мир сузился до этого мгновения. Вблизи он был еще красивее – опасный, как обрыв над пропастью. Его лицо оставалось невозмутимым, не выражая ни одной эмоции, но взгляд – холодный, как лезвие бритвы – мог разрезать Рекса на куски без малейших усилий.

Я ненавидела помощь. Ненавидела быть обязанной. Но больше всего ненавидела то, как мое тело отреагировало на его близость – предательское тепло разлилось по нему, заставив забыть о боли в руке.

Рекс попытался вырваться, но хватка незнакомца была такой сильной, что я услышала треск костей. На лице громилы читалась паника – вены на шее вздулись так, что казалось, еще мгновение – и они лопнут.

– Я тебя отпускаю. – в голосе незнакомца чувствовалась абсолютная власть. – На этот раз.

Он разжал пальцы. Рекс, ослепленный яростью, рванул вперед, но через мгновение его массивное тело уже лежало на настиле. Я даже не успела разглядеть движений незнакомца – настолько быстрыми и точными они были. Один из приятелей Рекса бросился в атаку, но он просто перехватил его руку в полете. Хруст вывернутых суставов заставил меня вздрогнуть.

– Проваливайте отсюда!

Он развернулся с потрясающей грацией и толкнул парня к лежащему Рексу. Второй подручный уже отпустил Кита и бросился помогать. Толпа расступилась перед ними, и вскоре они растворились в темноте.

Я стояла, чувствуя, как дрожат колени. Не от страха – от адреналина, который теперь медленно отступал, оставляя после себя странную пустоту.

Когда наши взгляды встретились, мне пришлось запрокинуть голову. Он был значительно выше – его мощный силуэт заслонил собой весь окружающий мир, оставив только нас двоих в этом странном куполе тишины.

– Как рука? – его голос, низкий и хриплый, обжег сильнее любого прикосновения.

Я не ответила. Мысли металась, как пойманные птицы в клетке. Часть меня бесилась от того, что понадобилась помощь. Другая – предательски теплела от его заботы.

Его ладонь коснулась моей – мозолистая, шершавая, но прикосновение было неожиданно нежным. Я вздрогнула, но не отдернула руку. Глупо. Опасно. Но я не могла заставить себя отстраниться.

– Больно? – он осторожно повернул мою кисть, изучая повреждения.

Его большой палец скользнул по сбитым костяшкам, и по телу пробежали мурашки. Я не чувствовала боли – только это странное тепло, разливающееся от каждого прикосновения.

– Я могла сама... – мой голос звучал хрипло и предательски дрожал.

Он поймал мой взгляд. Его глаза – черные, бездонные, притянули, как магнит. Как будто он видел меня насквозь, со всеми страхами и слабостями.

– Нужно приложить лед, чтобы снизить воспаление, – он намеренно проигнорировал мои слова, но в его глазах мелькнуло понимание.

– Ты не похож на доктора, – вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать.

Уголок его губ дрогнул в чем-то отдаленно напоминающем улыбку.

– Я не доктор. Просто слишком хорошо знаком с тем, как ощущается боль.

Большой палец снова коснулся моей кожи, и мне дико захотелось, чтобы его руки оказались в другом месте. Прямо здесь, прямо сейчас. Мысль была настолько неожиданной, что я почувствовала, как предательский румянец заливаает щеки, а ситуация достигает отметки «неловко».

Его улыбка стала шире. Должно быть он заметил мое волнение.

Черт возьми!

– Спасибо, – пробормотала я, отводя взгляд.

Шум за спиной вернул меня в реальность. Кит. Боги, Кит.

Я резко отстранилась, и его пальцы нехотя разжались. Кожа тут же заныла от внезапной пустоты, но я уже развернулась на звук знакомого голоса:

– Эл!

Кит стоял передо мной, но... Выглядел он ужасно. Его обычно небрежные каштановые волосы теперь беспорядочно торчали в разные стороны, как после урагана. Рассеченная губа распухла, из уголка рта стекала тонкая струйка крови, смешиваясь с потом на подбородке. На левой скуле уже формировался впечатляющий синяк, а любимые джинсы украшала свежая дыра.

Но хуже всего были глаза. Эти чертовы разноцветные глаза – левый голубой, как зимнее небо, правый карий как шоколад – обычно полные веселья, сейчас смотрели на меня с такой виноватой настойчивостью, что в груди все сжалось.

«Черт возьми, он даже не понимает, что могло быть хуже. Что его могли...»

Я резко оборвала себя, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Мне стало его жаль – искренне, до тошноты. Но следом накатила знакомая волна злости – едкая, обжигающая, как дешевый виски на пустой желудок.

– Опять, – прошипела я, проглатывая ком в горле. – Ты опять полез в драку, даже не подумав. Что ты мог... Что...

Голос предательски дрогнул, и я замолчала, сжав челюсти до боли. Кит был частью моей семьи – той, которую я выбрала сама. Мы с ним, Ником и Трикс прошли через столько, что кровное родство казалось формальностью. И каждый раз, когда он вот так бездумно рисковал собой...

Кит – это вечный двигатель, вечный ребенок, который заводится с пол-оборота. Он никогда специально не ищет неприятностей, просто... не думает. Для него мир – это игра, где правила пишутся на ходу, а последствия – что-то абстрактное, что случается с другими.

– Прости, что втянул тебя в это, – его голос звучал непривычно мягко, с нотками раскаяния. – Я идиот...

Я заметила, как он дрожит. И вся моя злость начала таять. Да, он безбашенный. Да, он никогда не думает о последствиях. Но он – мой друг.

– Ладно, идиот, – я легонько шлепнула его по плечу, стараясь скрыть дрожь в руке. – Пойдем залатаем то, что от тебя осталось.

Его лицо мгновенно просветлело:

– Вообще-то я непобедимый, – он напряг бицепсы, демонстрируя рельефные мышцы, но тут же скривился от боли.

– О да, я прекрасно видела твою «непобедимость», – из меня вырвался нервный смешок.

Музыка снова гремела на полную, толпа веселилась, будто только что перед ними не предстала кровавая бойня. Никто не обращал на нас внимания – и слава богам.

Кит неловко потянулся ко мне, и я позволила обнять себя за плечи, чувствуя, как его сердце бешено колотится. Он пах кожей, терпким сандалом и чем-то родным, что заставило на миг расслабиться. Но все же я оглянулась через его плечо, ненавидя себя за эту слабость.

Незнакомец исчез.

Глава 4

Последний выходной перед летней работой мы решили провести на природе. Самая идиотская идея из всех возможных.

Голова раскалывалась от вчерашнего виски, а полуденное солнце не светило – оно прожигало, вытягивая последние капли влаги из воздуха. Каждый вдох обжигал легкие, оставляя на губах горьковатый привкус пепла.

А эти запахи... Сладковато-приторный аромат цветов смешивался с резким запахом скошенной травы, создавая густую, липкую смесь, от которой першило в горле. Асфальт под ногами не просто нагрелся – он плавился, прилипая к подошвам, словно пытался удержать нас здесь навечно. Даже тени не спасали: стоило шагнуть в их мнимую прохладу, как тебя окутывало плотное, душное марево.

Мы с Триксит загрузили в машину парней корзины с едой, бутылки с напитками и целый арсенал водных пистолетов. *Что ж, если проведу еще пару часов под палящим солнцем, то застрелюсь одним из них.*

Моя бледная кожа уже лоснилась от пота. Сарафан прилип к спине мертвой хваткой. Волосы, которые я с таким трудом укладывала в «небрежный» хвост, теперь приклеились к шее.

– Ты уверена, что все в порядке? – Триксит прищурилась, поправляя корзину с едой.

Я не ответила сразу. Сознание рвануло назад, во вчерашний вечер...

Ник и Триксит присоединились к нам у бара. Их внешний вид кричал об одном: «Мы занимались сексом». Сколько бы подруга ни пыталась стереть помаду с шеи парня, она делала только хуже – размазывала, оставляя розовые разводы.

– Надеюсь, ваш ребенок будет похож на меня! – прокричал Кит, опрокидывая в себя очередную порцию спиртного.

Румянец на щеках Ника и ошарашенный взгляд Трикс заставили мои губы дрогнуть в улыбке.

– В очередной драке тебе отшибло мозги? – она выхватила свой коктейль с такой силой, что бармен скрылся под стойкой.

Кит уже привел себя в порядок: смыл запекшуюся кровь, пригладил растрепанные волосы и натянул футболку.

– Сомневаюсь, что они у него когда-то были, – добавила я, пряча ухмылку за стаканом. Лед ударился о стекло, когда я сделала глоток – холод обжег горло, но не смог погасить тлеющий в груди комок тревоги.

Кит скорчил обиженную гримасу, но промолчал. В его обычно беззаботных глазах плескалась настоящая вина – глубокая, как ночное море. Я знала, что он корит себя за потасовку, но винить не могла.

Я поспешно отвернулась, надеясь, что хотя бы остаток ночи пройдет спокойно. Но вселенная, казалось, решила окончательно надо мной поиздеваться.

«Твою ж мать», – пронеслось в голове, когда я увидела, кто направляется к нам.

Карин и Эмбер.

Они двигались сквозь толпу. Их белые бикини, больше похожие на ниточки, сверкали под стробоскопами, намеренно притягивая взгляды. Каждый шаг был рассчитан, каждое движение – отточенное оружие.

Мужчин вокруг словно загипнотизировали: одни замирали, когда пальцы девиц скользили по их предплечьям, другие буквально сворачивали шеи, провожая их взглядами. Даже

воздух вокруг них казался другим – насыщеннее, с примесью дорогих духов и чего-то неприятного...

– Мальчики, нам не хватает красавчиков для игры в «Исповедь», – Карин провела красными ногтями по предплечью Ника. Тот дернулся, как от удара током.

– Пас, – отрезал он, собственнически обнимая Триксит за талию.

Подруга сверлила хозяйку вечера взглядом, в котором читалось: «Тронешь его еще раз – умрешь». Карин даже бровью не повела. Ее выдержки можно было позавидовать.

Эмбер окинула меня оценивающим взглядом и фыркнула. Но когда она посмотрела на Кита... Клянусь, у нее над головой загорелась лампочка.

– Кити... – она сделала шаг к нему, и парень напрягся, будто готовился обороняться.

Меня чуть не вырвало от этого слащавого обращения.

Эмбер Рейкер была не «просто тупой блондинкой» – она была хищницей. Длинные стройные ноги, карамельная кожа, глаза, в которых светился холодный расчет. В отличие от Карин, ее красота была даром природы, а не мастерством хирургов. И если первая была громкой и наглой, то Эмбер действовала тоньше – как паучиха, плетущая сети под личиной невинности.

– Ты же не хочешь, чтобы мы сообщили, что студент ААН в состоянии алкогольного опьянения устроил драку на территории Шато Бельмонте? – Эмбер уставилась на подругу, и та кивнула, хотя по лицу было видно: она не понимает, о чем идет речь.

Мои глаза расширились. Для Кита академия, может, и не значила ничего, но для Ника...

– Ты подлая ш... – Ник вовремя зажал Трикс рот.

– Одна игра, – Эмбер потрянула светлыми локонами.

Кит снова бросил на меня извиняющийся взгляд, и я только через мгновение понял, за что именно.

– Ладно, но Эл и Трикс играют с нами! – он звонко стукнул пустым стаканом о стойку.

– Это худшая твоя идея за сегодня, – прошипела я ему в ухо, уже сидя на диване у костровой чаши.

Я пыталась сопротивляться, но все же – сижу в окружении пьяных студентов и слушаю правила, от которой сводит желудок.

– Мы с Эмбер – ведущие, – объявила Карин. – Будем задавать вопросы. Отвечаете только правду.

– А как они поймут, что мы не врем? – пробормотал парень рядом с Китом.

– Пойдем, – голос Эмбер был ледяным, а резкий взгляд заставил беднягу съежиться.

– Если отказываетесь отвечать – выполняете действие на наш выбор, – закончила Карин.

– И что тут веселого? – Кит развалился на диване, закинув руку на спинку дивана позади меня. Его пальцы едва коснулись моего плеча – легкий жест поддержки.

Сидящая рядом Триксит прижалась к Нику так, словно пыталась его защитить.

– А ты подожди, пока мы начнем, – хлопнув в ладоши, Карин уселась напротив нас.

Было очевидно: наше присутствие с подругой их бесит. Потому первый вопрос достался ей.

– Трикси, Ник – твой первый? – Эмбер сверкнула белыми зубами.

– Это тупая игра, – Ник попытался встать, но его остановил голос Карин:

– Либо отвечаешь, либо выполняешь действие.

– Нет.

Триксит вложила столько яда в эти три буквы, что парень снова сел, сжимая ее ладонь.

Спустя годы после нашего знакомства крошка Ви поделилась со мной тайной. В день совершеннолетия она оказалась не в той компании. Один тип, который долго ее добивался,

подмешал ей что-то в напиток и воспользовался ее состоянием. Что с ним стало – не знаю. Но надеюсь, этот ублюдок гниет в самой глубокой яме.

Я сжала ее руку. Она ответила тем же – тонкие пальчики дрогнули, но крепче сжали мои. Ник поцеловал ее в макушку. Не уверена, знал ли он все, но в этот момент я радовалась, что рядом с ней именно он.

Эмбер упивалась моментом. На губах играла довольная улыбка – ей нравилось чужое страдание.

Карин задала следующий вопрос Нику:

– Ты готов жениться на Триксит?

Ответ пришел мгновенно, как выстрел:

– Да.

Одно слово. Твердое. Неоспоримое. Ник даже не моргнул, его разноцветные глаза смотрели прямо на крошку Ви с такой уверенностью, что у меня перехватило дыхание. Она сжала мою ладонь сильнее, передавая свое волнение.

Эмбер моргнула – единственный признак удивления на безупречном лице. Карин же надула губы, как избалованный ребенок.

Мое тело напряглось, когда зеленые глаза Эмбер, холодные, как море в шторм, встретились с моими. В них читалось торжество хищника, нашедшего свою новую добычу.

– Назови имя человека, который тебя использовал.

Тишина повисла на долю секунды – ровно столько, чтобы я почувствовала, как что-то внутри меня проснулось. Не страх. Не паника.

Ярость.

Горячая, как расплавленный металл, она разлилась по венам. Воздух словно сгустился, легкие наполнились озоном. Эмбер невольно отпрянула – ее зрачки сузились, а уголки губ дрогнули.

– Элион. – мой голос звучал четко, без единой дрожи.

Я не сдерживалась. Не пряталась. Не в этот раз. Никогда. Пусть все слышат это имя – пусть знают, что оно для меня значит.

Но самое странное – произнеся его вслух, я не ощутила привычной боли. Вместо этого в груди разгоралось нечто новое. Неведомое.

В настоящее меня вернул обеспокоенный взгляд Триксит, в котором читался ранее заданный вопрос о моем состоянии. Придя в себя, я ощутила, как фальшивая улыбка растягивает мои губы:

– Абсолютно.

Слова были ложью, горькой и липкой, как пот, стекающий по спине.

Я не была в порядке.

Добравшись до нашей поляны на берегу Нортвейла, каждый принялся за свое дело. Это место мы нашли в год знакомства, когда Трикс решила, что мы обязательно должны отправиться в поход.

Это был один из худших дней в моей жизни.

К вечеру хлынул такой ливень, что казалось – небо прорвало. Ветер выл, срывая с деревьев ветки и швыряя их в нашу хлипкую палатку. Машины не было, так как мы приехали на такси.

– Чтобы ни у кого не было искушения сбежать домой, – ответил Ник на мой вопрос, почему мы не взяли их седан.

Мы сидели под промокшем брезенте, прижавшись друг к другу. Телефоны разрядились, связи не было – ловушка собственного легкомыслия. Кит мрачно бубнил о готовности при-

нести брата в жертву богу погоды. И небо сжалилось. Ветер стих, тучи разошлись, обнажив звезды.

Мы выползли наружу, дрожащие, с посиневшими губами, и кое-как развели костер. Огонь трещал, отбрасывая тени на наши лица. Каждый протягивал к нему руки, пытаясь вернуть ощущение в онемевшие пальцы.

Триксит резко вскочила с колен Ника, ее глаза блестели в отблесках пламени.

– Давайте скрепим нашу дружбу клятвой!

– Каким образом? – скептически спросила я, доедая промокший сэндвич.

– На крови! – Кит накиннул на голову мокрую футболку, изображая призрака.

– Придурок, – я ткнула его в бок.

– Да! – воскликнула Триксит, ее победный клич разнесся по пустому лесу.

Мы с Китом уставились на нее, будто у подруги внезапно выросла вторая голова, шепчущая ей на ухо бредовые идеи. Ник попытался усадить девушку обратно, но она лишь отмахнулась.

– Я серьезно! – в ее голосе звенели нотки нетерпения. – Мы пережили эту ночь. Мы – команда.

Треск пламени добавил зловещей атмосферы.

– Формально еще не пережили, – пробурчал Ник, но тут же смолк под ее убийственным взглядом. Меня всегда поражало, как эта миниатюрная девушка заставляет молчать двухметрового здоровяка.

– Я не хочу пускать кровь, – Кит надулся, швырнув ветку в костер. Искры взметнулись вверх золотым дождем.

– Струсил? – я оскалилась, хотя сама не горела желанием резать кожу – шрамов и так хватало.

Триксит нервно переминалась с ноги, в ожидании поддержки. Повисшую тишину нарушал шум реки – темной, холодной, уносящей наши страхи.

Ник неожиданно заговорил, его низкий голос звучал таинственно:

– В детстве я читал одну историю... о воинах Светоносного легиона.

Я уставилась в пламя, и в его танцующих языках мне почудились тени тех самых воинов – в сияющих серебряных доспехах, с клинками, отливающими лунным светом.

– Когда им предстояла великая битва, они собирались в полнолуние вокруг Священного Огня – костра, который горел белым пламенем. Главный Светонос брал Клинок Рассвета...

– Его лезвие было выковано из чистого света! – не выдержал Кит, в его голосе слышался азарт.

Ник откашлялся и торжественно продолжил:

– Каждый воин делал надрез на левой ладони и капал кровь в пламя. И говорил: «Пусть огонь смешает наши жизни. Отныне твоя кровь – моя кровь. Твоя боль – моя боль».

В ту ночь мы стали семьей. *Поклялись всегда быть рядом.* С того дня, я не чувствовала себя одинокой словно этот странный ритуал подарил мне то, чего у меня раньше не было.

Я посмотрела на свою левую ладонь: шрама не осталось, но кожа слегка зудела, напоминая о той ночи.

Трикс передала мне из багажника корзины и пледы, парни тут же схватили водные пистолеты и устроили дуэль, превратив нашу мирную поляну в поле боя.

– Эл, держись! – воскликнул Кит, направляя оружие в мою сторону.

Я только успела отвернуться. Ледяная струя ударила между лопаток, проникнув под ткань сарафана, заставляя вздрогнуть.

– А-а-а! Я убью тебя! – вскрикнула я, ощущая, как вода стекает по позвоночнику.

Ник, хохоча, закинул Трикс на плечо, как мешок. Кит тут же переключился на них.

– Двоих одним выстрелом! Я непобедим! – завопил он, носясь по поляне.

Адреналин резко ударил в виски. Тело среагировало раньше разума – я уже мчалась к забытому пистолету. Мокрый пластик выскальзывал из пальцев, но я вцепилась в него мертвой хваткой.

– Получай, засранец!

Струя попала Киту прямо в открытый рот.

– Бл-бл-бл! – он выплюнул воду и бросил оружие в траву.

Его тут же подхватила Трикс, и через мгновение мы уже втроем заливали мистера «непобедимость» со всех сторон.

– Ладно-ладно, сдаюсь! – засмеялся он, поднимая руки вверх в примирительном жесте.

Мы представляли собой жалкое зрелище. Мокрая ткань и волосы неприятно липли к телу, а по коже бежали мурашки – то ли от прохлады, то ли от странного возбуждения после водной битвы.

– Время загорать, – важно провозгласил Ник, стягивая футболку.

Мы последовали его примеру. Я с облегчением скинула мокрый сарафан. В их компании я не боялась открытого купальника и того, что мои шрамы вызовут насмешки.

Со стороны послышалось ругательства и смех. Взгляд зацепился за Кита, который получил в лицо мокрой футболкой брата. Губы сами растянулись в широкой улыбке, но она тут же померкла.

Он выглядел... слишком хорошо для человека, учувствовавшего во вчерашней драке. Мышцы играли под бронзовой кожей, капли воды скатывались по рельефному прессу. Он снял солнцезащитные очки, и земля ушла из-под ног. Ни синяка, ни ссадин. Только загар и знакомая ухмылка.

Шок прошел, и я выдавила:

– Ты что, пьешь кровь младенцев по утрам?

Я швырнула в него мягкой подушкой. Он ловко поймал ее на лету, одна бровь изогнулась в вопросительной дуге.

– Вчерашние синяки испарились.

– Просто я настолько прекрасен, что травмы сдаются перед моим обаянием, – он подмигнул и направился к ребятам, оставив меня наедине с тревожными мыслями.

Сумерки окутали поляну. Солнце окончательно скрылось за зубчатым горизонтом, уступив место луне – массивному золотому диску, застрявшему между двух горных вершин. Холодный свет стелился по водной глади реки. Небо было чистым, без единой звезды, будто сама вселенная затаила дыхание, наблюдая за нами.

Я сидела ближе всех к костру. Жар щекотал босые ноги, оставляя на коже розовые пятна. Весь день мы вели себя как дети – гонялись друг за другом с водными пистолетами, купались в прохладной реке, валялись на нагретых солнцем пледах. Ничего не нарушало нашего покоя – ни воспоминания о вчерашнем вечере, ни легкое похмелье. Даже мои странные мысли о Ките почти растворились в закате.

Это был наш день.

– Люблю вас, – прошептала Триксит, прижимаясь к Нику. Ее тонкие пальцы потерялись в его большой руке, а в голосе звучала та искренность, от которой в груди сладко сжималось.

– Я не буду признаваться в любви к брату, – буркнул Кит, пиная Ника по ноге. Но в его глазах, отражавших пламя костра, читалось что-то теплое, что он никогда не озвучил бы в слух.

– А мы можем просто от него избавиться? – Трикс бесцеремонно ткнула в Кита.

Ник рассмеялся – глубоким, грудным смехом, от которого по реке пошла рябь. Девушка пихнула его локтем, что тот закашлялся и поднял руки – мол разбирайтесь сами.

– Не можешь! – Кит сложил руки на груди, давая понять, что выиграл спор.

– Это еще почему? – Она отодвинулась от Ника, сверля его брата взглядом, кричащем о скорой расправе.

– Ты сказала, что любишь меня.

– Идиот, я люблю их, – Трикс показала на нас с Ником. – А ты так... бонусом. Как игрушка в хлопьях.

Их перепалка обрушилась на меня волной. Я улыбалась машинально, но взгляд снова и снова возвращался к небу. Оно было темным. Совершенно черным. Как его глаза...

Мои веки дрогнули, и на долю секунды я снова увидела их – два бездонных колодца. От воспоминания о той безопасности, что я ощутила рядом с незнакомцем, живот свело судорогой. Но вместе с ужасом пришло необъяснимое, мучительное желание снова встретиться с ним взглядом.

Даже в окружении близких я почувствовала крупицу пустоты. Будто кто-то вырвал кусок души. Мысли путались, накладывались друг на друга. Четкие образы больше не приходили, только обрывки – темный тоннель из кошмарного сна, размытые лица, чьи-то голоса, доносящиеся сквозь толщу времени... Я знала этих людей. Должна была знать. Но память молчала.

Мир стал невыносимым. Треск костра резал слух, как ножовка по металлу. Тело бросало то в жар, то в холод. Я резко трянула головой, пытаясь вернуться в реальность.

И тогда ветер донес шепот. Тихий, едва уловимый, будто доносящийся из самой глубины:
«Вспомни...»

Глава 5

Назойливая трель будильника впилась в сознание, резко обрывая остатки сна. Я машинально шлепнула по кнопке, мысленно поблагодарив Триксит – даже после вчерашнего она позаботилась, чтобы я не проспала. Эта девушка была моим ангелом-хранителем, и я всеми силами хотела отплатить ей тем же.

Если мы выбирались куда-то четвером, то при любом удобном случае оставляли их с Ником наедине – хотя бы на пять минут.

Вчерашний вечер не стал исключением.

Тени между деревьями сгущались, когда я наклонилась за очередной сухой веткой. Воздух после жаркого дня сделался густым, как сироп – пах цветами, нагретой хвоей и тиной. В этот момент краем глаза я заметила странное мерцание – будто кто-то подвесил между сосен кусок разбитого зеркала, ловящего последние лучи солнца.

Я осталась одна – Кит отошел дальше в чащу, его бессмысленное пение растворилось среди зелени. А я... застыла, не в силах оторвать взгляд от неправильного пятна в воздухе. Перламутровый блеск усилился, пространство за ним задрожало, как поверхность воды перед грозой.

Стоило сделать шаг, как лес за этим призрачным занавесом пошел рябью. Ноги сами понесли меня вперед, ветки цеплялись за голые ноги, оставляя красные полосы. Я протянула руку – медленно, дрожа всем телом, боясь спугнуть видение. Но еще больше я опасалась, что оно исчезнет.

Прикосновение.

Одного мимолетного касания хватило, чтобы боль пронзила все тело, как разряд тока – от кончиков пальцев, по венам, до самых пяток, где она ушла в землю. Я рухнула на колени, мелкие сучья впились в плоть, но эти ощущения были ничтожными по сравнению с тем, что творилось в голове. В горле встал ком, не давая возможности закричать. *Щелчок*. Будто кто-то переключил канал в моем разуме, и...

Яркая вспышка.

Пожилый мужчина в коричневой мантии тычет в меня указкой: «Вальдра, внимательнее». Его голос звучит так близко, что я чувствую чужое дыхание.

Еще одна вспышка.

Молодая девушка с кожей цвета темного шоколада и белыми, как первый снег, волосами протягивает мне руку: «Вставай, в Дуоваре не терпят слабаков». Ее ладонь была шершавой от мозолей, но касалась она мягкое, почти породному.

И еще одна.

Мальчик с бронзовой кожей, в черных одеждах с такими и знакомыми темными глазами стоит за каменными перилами: «Привет...»

– Почему ты на земле?

Голос Кита вернул в реальность с такой силой, будто меня выдернули из глубин океана. Я сидела на траве, пальцы вцепились в почву так крепко, что костяшки побелели. Ладони стали мокрыми – то ли от пота, то ли от чего-то еще.

– Просто... собираю хворост, – я провела языком по пересохшим губам, ощущая вкус железа.

Кит замер надо мной, его тень перекрыла свет, создавая временное убежище от слишком яркого мира. В его глазах – не привычная насмешка, а что-то похожее на тревогу. Настоящую, не притворную. Это пугало больше всего.

– Ну да, конечно, – он нарочито медленно оглядел мои пустые руки, затем землю вокруг и поднял бровь. – Силой мысли? Подожди... – он осекся, в его глазах мелькнуло веселье. – Ты молилась богам, чтобы Триксит наконец успокоилась со своими дурацкими идеями?

Шутка прозвучала натянуто, но я все равно фыркнула – скорее от неожиданности, чем от юмора.

– Богам я бы молилась, чтобы ты заткнулся. – я позволила ему помочь себе встать, скрывая дрожь в коленях. Его пальцы были теплыми и твердыми – надежный якорь в этом внезапно поплывшем мире.

Грязными от земли и раздавленных листьев руками, я стряхнула остатки веток с колен, и позволила себе мельком взглянуть через плечо...

Там ничего не было. Обычный хвойный лес. Но по спине уже бежал холодный пот, намекающий на что-то нехорошее.

– Признай, что ты любишь мой голос. – Кит подхватил мою скромную охапку хвороста и зашагал к ребятам, напевая что-то под нос.

Я мотнула головой, пытаясь сконцентрироваться на его словах. Трудно было признаться даже себе, что я действительно любила его голос. Даже сейчас он вернул меня к реальности. Но боль отступила не до конца – под кожей осталось странное жжение, будто я коснулась того, что трогать запрещено.

Кит подмигнул мне, глядя через плечо. Я была ему благодарна. За то, что не стал задавать вопросы, на которые у меня не было ответов.

Потянувшись, я приоткрыла один глаз. Солнечный свет уже заливал комнату, пробиваясь сквозь щели в шторах и рисуя золотые дорожки на полу. Трикс, прячась от него под одеялом, сладко спала. Ее дыхание было ровным, а ладонь сжата в кулак – она всегда так делала, будто даже в грезах была готова к бою.

Я быстро приняла душ. Горячие струи воды смыли последние остатки дремоты, но не смогли избавить от чувства беспомощности, которое было мне ненавистно. Я провела рукой по запотевшему зеркалу, на мгновение поймав в отражении собственный взгляд – темные круги выдавали беспокойную ночь.

В этот раз кошмар не пришел в полной мере, но тень черных глаз стояла перед взором. А мольба – «Вспомни» – легла тяжестью на душу.

Я не знала, что должна вспомнить. И боялась этого больше всего.

Тряхнув головой, я продолжила сборы. Выбрав комфорт: хлопковую майку, джинсы, чтобы скрыть царапины от веток, и легкую льняную рубашку в клетку. Пальцы автоматически собрали волосы в высокий хвост, пара прядей выбилась и упала на лицо. Пришлось замаскировать следы усталости консилером. *Чем проще – тем лучше!* Особенно когда твоя жизнь превращается в сюрреалистический кошмар.

За завтраком я поймала себя на том, что всматриваюсь в солнечное пятно на стене, ожидая, что вот-вот проступит тот самый мерцающий контур из леса, а в ушах зазвучит шепот...

– Хватит, – резко выдохнув, я поставила пустую чашку кофе на стол с таким звоном, что сама вздрогнула. *В этот раз я воспользовалась подставкой с Железным человеком.*

Но просьба вспомнить все еще не покидала голову, заставляя анализировать прошлое.

Прошло три года с тех пор, как я вышла из комы. Три года, за которые никто не попытался меня отыскать. Словно я была призраком до того, как потеряла память. Иногда я думала покопаться в архивах, но... *А что, если правда окажется страшнее неведения?*

– Эл... – из спальни донесся сонный голос Триксит.

Я замерла. Мне не хотелось пересекаться с ней утром. Я не готова обсуждать вчерашнее, видеть в ее глазах этот вопрос. Хотелось сбежать, но вместо этого я сжала кружку так, что пальцы побелели.

– Ты все равно пойдешь, да? – подруга высунула голову в коридор и уставилась на меня сонными глазами. В этом взгляде было столько же беспокойства, как вчера у Кита.

Мне было стыдно. Стыдно, что не могу ей открыться. Я сама не понимала почему, но чувствовала – время еще не пришло.

– Конечно. Обычный рабочий день среди книг, – я натянуто улыбнулась.

– А если у тебя солнечный удар?! – ее тон стал резче, она тут же закусила губу, будто боялась, что сорвется на крик.

После инцидента в лесу, мне было трудно с кем-то разговаривать. Образы в моей голове стали четкими, а голоса – громкими. Поэтому я просто сослалась на плохое самочувствие из-за жары. Ложь выскользнула так гладко, что я сама почти поверила.

– Я в порядке, – пробормотала я, натянув призрачную улыбку.

Мы с Трикс клялись говорить друг другу только правду. Но в последнее время я только делала, что лгала. Прогнав чувство вины и чмокнув сонную подругу в щеку, я поспешила на выход. Я даже не могла ей объяснить, что жду этой смены как спасения. Что у хозяина магазина внушительная библиотека – и если где-то и существовали ответы, то только там, между страниц, пахнувших пылью и тайнами.

Там, где никто не будет смотреть на меня с этой смесью жалости и страха.

Глава 6

«Книжный архив» расположился в самом сердце города, будто специально был создан для того, чтобы стать моим убежищем.

Гениальное название от гениального начальника.

Пространство магазина дышало уютом, как старый друг, раскрывающий объятия после долгой разлуки. Высокие дубовые стеллажи, доверху заполненные томами, создавали причудливый лабиринт. В нем хотелось заблудиться намеренно – лишь бы не возвращаться в реальный мир. Воздух был пропитан терпким ароматом старых страниц и свежесваренного кофе – фирменного напитка мистера Логана, который он всегда предлагал особо ценным клиентам.

Вроде меня.

– Эл, ты как всегда вовремя! – звонкий голос встретил меня, едва я переступила порог.

Мистер Логан стоял за кассой, поправляя очки в толстой оправе, которые делали его похожим на мудрую сову. Несмотря на седину и «книжный» образ, он всегда выглядел безупречно: накрахмаленные рубашки, идеальные стрелки на брюках, стильные жилеты. Мы с ним составляли забавный контраст – персонажи из разных эпох.

– Ну знаешь, я ведь не могу подвести лучшего в мире начальника, – подмигнула я, швырнув рюкзак на потертый, но мягкий диванчик.

– Лучшего? – он притворно вскинул брови. – Раз уж ты меня так называешь, будь добра, подготовь экспонаты для выставок. Всего пара коробок, – он указал в глубь помещения. – Сверхсодержимое с согласованным списком для предстоящего мероприятия.

– А ты мне помогать не будешь? – нарочито жалобно спросила я.

– Нет, это твое наказание.

В его глазах плясали веселые искорки, несмотря на тон начальника.

– В прошлый раз из-за твоей полка едва не рухнула на дамочку из мэрии. Пришлось сделать ей скидку, чтобы успокоить.

Мистер Логан действительно был добрейшей души человеком. Даже когда я полностью провалила отправку крупного заказа и книги рассыпались по полу прямо перед покупателем, он лишь вздохнул. К счастью, мы всегда упаковываем каждый экземпляр отдельно, поэтому ни одна страница не пострадала. Как и репутация магазина.

– Шевелись! – крикнул он, но улыбка не сходила с его лица.

Я закатила глаза, чувствуя, как в груди разливается привычное тепло, прогоняя утреннюю тревогу. Здесь, среди фолиантов, шелеста бумаги и скрипа старых переплетов, я была дома. Эта работа давно перестала быть просто способом заработка.

Первые месяцы после устройства я буквально жила в «Книжном архиве», задерживаясь до тех пор, пока мистер Логан не начинал ворчливо поглядывать на часы. Страница за страницей, книга за книгой – я лихорадочно восполняла пробелы в памяти, словно собирала рассыпанный пазл. Современные технологии, политическое устройство, даже элементарные бытовые вещи – все это казалось одновременно знакомым и чужим.

Особенно странно было читать о вещах, которые я понимала на уровне инстинкта, но никогда сознательно не использовала. Будто кто-то стер практические навыки, оставив лишь теорию. Я могла с ходу объяснить принцип работы автомобиля, но впервые сев в него, испытала странный коктейль – детский восторг, смешанный с животным страхом.

Разбирая коробки, я украдкой поглядывала на массивную дубовую дверь кабинета мистера Логана. Его личная библиотека, куда посторонним вход воспрещен... Возможно, именно там хранятся ответы? Может, среди древних манускриптов есть объяснения тому странному перламутровому пятну в лесу? Или... мне пора признать, что я схожу с ума?

Мысли прервал звонок колокольчика, заставивший меня вздрогнуть.

– Доброе утро, – вежливо произнес мистер Логан, мгновенно переключаясь на деловой тон.

– Доброе утро, – ответил низкий, глубокий голос. – В академии мне посоветовали ваше заведение как место, где можно найти редкие издания.

Профессор Нокт.

Я замерла, пальцы непроизвольно сжали бумагу так, что листы смялись.

– Ах, вы новый профессор? – в интонации начальника прозвучал неподдельный интерес.

– Да. Со следующего семестра приступаю к преподаванию, – Нокт сделал шаг вперед. Его походка была твердой и уверенной. Звук шагов по деревянному полу разнесся по всему залу.

– Надеюсь, наш городок вам понравится! Чем могу помочь?

– Я ищу «Трактат о легендах мироздания». Понимаю, что это большая редкость.

Я медленно отложила документы, стараясь не шуметь, и придвинулась ближе, прячась за высоким стеллажом с антиквариатом. Эту книгу мистер Логан показывал мне недавно – единственный экземпляр, жемчужина предстоящей выставки под названием «Запретные истины». Сомневаюсь, что он расстанется с ней сейчас.

– У нас действительно есть эта диковинка, – сказал хозяин, и я уловила ту самую нотку, которая всегда обозначала вежливый отказ. – Но он готовится к выставке.

«Выкуси, профессор!» – пронеслось в голове. Я тут же пожалела об этой мысли: Нокт, словно услышав меня, повернул голову. Его губы растянулись в странной, натянутой улыбке, от которой у меня похолодело внутри.

– Понимаю. Возможно, вы сделаете исключение? – он произнес это так, будто знал, что получит трактат себе. – В обмен я могу предложить вам редчайший «Атлас звездных карт» прошлого века.

Я увидела, как глаза мистера Логана вспыхнули. Это была его детская мечта, превратившаяся в навязчивую идею. Он часто вспоминал их с братом «охоту за сокровищами». Два мальчишки, зачитывавшиеся приключенческими романами, начали с малого – автографов и типографских браков. С годами игра переросла в страсть, в смысл жизни.

«Книжный архив» стал памятником этой одержимости. После гибели брата в экспедиции за редким манускриптом, мистер Логан продолжил их дело в одиночку. И вот теперь заветный атлас – один из последних пунктов детского списка – лежал на блюдечке, как спелое яблоко.

Я заметила, как его пальцы слегка задрожали, когда он по привычке потер подбородок. Этот жест всегда выдавал его волнение. Сейчас передо мной был не уверенный в себе бизнесмен, а тот самый мальчишка, мечтавший заполучить заветный трофей.

– Очень заманчиво, – заговорил он медленно, взвешивая каждое слово, – но список участников утвержден, коллекционеры ждут именно этот экспонат.

Профессор Нокт не моргнул. Он стоял неподвижно, как статуя, и в его позе читалось абсолютная уверенность в победе. Когда он заговорил снова, его голос звучал как мед, поданный на острие ножа:

– А если я предоставлю атлас для мероприятия, а после мы совершим обмен? Два раритета привлекут больше внимания.

Его интонация не оставляла места для сомнений – это был не вопрос, а ультиматум, обернутый в вежливую форму.

– По рукам! – воскликнул мистер Логан и тут же хлопнул себя по лбу. – Когда вам удобно передать атлас?

Нокт не шелохнулся. Весь его вид излучал неоспоримую власть человека, который всегда получает то, что хочет. Его улыбка стала шире, обнажив белые, слишком ровные зубы. В этом жесте было что-то хищное.

– Я занят в академии. Не могли бы вы сами заехать ко мне?

– Конечно! – босс уже мысленно изучал заветные карты. – Этим займется моя помощница. Я ей доверяю, как себе!

Черт! Я рванула назад, но ноги предательски запнулись, и я с грохотом рухнула на пол.

– Эл, дорогая, ты в порядке? – мистер Логан мгновенно оказался рядом, в его голосе слышалась тревога.

– Все хорошо, – пробормотала я, принимая помощь и чувствуя, как жар заливает щеки.

– «Просто Эл». Какая неожиданная встреча, – Нокт смотрел на меня с едва заметной усмешкой. Его темные глаза изучающе скользнули по моей фигуре.

– Д-доброе утро, профессор, – мой голос дрогнул, а я ненавидела себя за эту слабость.

– Вы знакомы? Замечательно! – хозяин хлопнул в ладоши. – Именно Эл доставит книги. Я посмотрела на него, пытаясь передать весь свой ужас, но он лишь весело подмигнул.

– Книги точно будут в безопасности? – пошутил профессор, и в его интонации проскользнуло нечто, заставившее меня сжаться.

– Конечно-конечно, – затараторил мистер Логан и скрылся в кабинете, оставив нас наедине.

Тишина. Только тиканье старинных часов и стук моего сердца где-то в горле. Я невольно окинула профессора взглядом. Высокий, на голову выше меня, атлетичный, в облегающем черном поло. Темно-синие брюки и дорогие лоферы подчеркивали образ человека, привыкшего к роскоши. Слегка растрепанные иссиня-черные волосы добавляли ему шарма.

Рядом с ним тело непроизвольно сжалось, готовясь к удару. Чтобы немного успокоиться, я сделала глубокий вдох – аромат старых страниц смешался с его парфюмом: мускус, сандал, что-то еще, от чего кружилась голова. На мгновение я прикрыла глаза, и в памяти снова всплыл образ незнакомца – темные глаза, легкое прикосновение рук...

– Вас что-то беспокоит? – резкий голос вырвал меня из видения.

– С чего вы взяли? – выпалила я. Глаза распахнулись так широко, что на секунду мир превратился в размытое пятно.

– Вы напряжены, – констатировал он, оглядывая меня головы до ног.

«Это мое нормальное состояние за последние время», – подумала я. Но вслух произнесла:

– Просто ушиблась, – я указала на место моего позорного падения.

Нокт рассмеялся – низким, бархатным смехом, в котором не было веселья. От этого звука по коже пробежал холодок, будто коснулись лезвием.

Мистер Логан вернулся с бумагами, прервав этот момент. Пока они обсуждали документы, я притворялась занятой, но не сводила глаз с гостя. Каждое его движение казалось слишком выверенным, слишком... расчетливым.

«Что такого в этом трактате?» – гадала я. Почему профессор, только что прибывший в город, охотится за конкретной книгой? Почему готов так просто расстаться с не менее ценным атласом? В этом крылся подвох, я чувствовала нутром.

И вдруг меня осенило – а что, если в тех текстах есть ответы и на мои вопросы? Но радость быстро сменилась горечью: редкие экземпляры опечатаны, доступ к ним теперь закрыт.

После ухода профессора мы продолжили работу. Мистер Логан, к моему удивлению, помогал мне, чтобы я успела к сроку, но сосредоточиться не получалось. Тревога висела в воздухе, окутывая меня плотным одеялом, не давая возможности дышать полной грудью. Каждый раз, когда я касалась старинного переплета, в висках начинало пульсировать.

– Это не мое дело, но... – начала я, аккуратно упаковывая старинную рукопись в специальную бумагу. – Ты уверен насчет этой сделки?

Босс замер, его пальцы застыли над коробкой. Затем он улыбнулся той самой мечтательной улыбкой, с которой вспоминал брата.

– Знаешь, – его голос звучал мягко, а взгляд был устремлен куда-то поверх моей головы, будто он видел не стеллажи магазина, а что-то далекое, – я бы хотел оставить себе обе вещицы. Но... – он вздохнул, и в этом вздохе слышалась вся горечь коллекционера, вынужденного делать выбор, – нельзя же получить все сразу.

Он протянул мне записку с адресом, давая понять, что обсуждение закрыто. Я убрала ее в карман джинсов, мгновенно ощутив, как бумага прожигает меня до костей.

– Будь осторожна, девочка, – он по-отечески похлопал меня по плечу. В его взгляде на секунду промелькнуло что-то незнакомое, но от тут же отвернулся, возвращаясь к экспонатам.

Я все равно кивнула, натянув самую невинную улыбку – ту, что всегда заставляла Трикс подозрительно щуриться. Рюкзак лег на плечи привычной тяжестью, но сейчас его вес казался непосильным. Когда я толкнула дверь, колокольчик звякнул особенно громко, будто предупреждая об опасности.

Глава 7

Вечерний Нортвейл дышал прохладой, но она не приносила облегчения. Воздух оставался густым, пропитанным душным шепотом жаркого лета. Я замерла у автобусной остановки, сжимая в потных ладонях лямку рюкзака, и наблюдала, как городские пробки превратили центр города в гигантскую стальную ловушку. Автомобили, пытая перегретыми двигателями, извергали едкий смог, который странным образом смешивался с едва уловимым ароматом сирени.

Порывшись в карманах, я нащупала телефон. Сообщение от Трикс:

«Поужинаем сегодня с ребятами? (сердечко)»

Пальцы сами набрали ответ, будто управляемые чужой волей:

«Буду поздно. Занята подготовкой к выставке. Прости. (грустный смайлик)»

Не то чтобы я намеренно избегала компании – просто и вправду не знала, когда освобожусь. При мысли, что я отгораживаюсь от близких, в груди шевельнулось что-то тяжелое. Но я не была готова отвечать на вопросы, на которые сама не находила ответов. Так было проще.

Я закрыла чат с крошкой Ви, сосредоточившись на главном: нужно выполнить поручение мистера Логана. Навигатор упрямо указывал на жилой. В животе заурчало от неприятного предчувствия – предстояло побывать в гостях у собственного преподавателя. Мысли помчались вскачь: а что, если его квартира окажется такой же пугающей, как он сам?

Не то чтобы Нокт казался жутким... Скорее, в нем было нечто, заставляющее внутренности сжиматься в тугий узел. Я тряхнула головой, стараясь отогнать наваждение, и заставила себя переключиться на маршрут.

«Всего пара кварталов пешком», – подбодрила я себя.

Нортвейл, рассеченный рекой, жил привычной жизнью. На правом берегу теснились особняки местной элиты, на левом – все остальное, включая центр. В последнее время я чувствовала себя чужой на обоих берегах.

Апартаменты Нокта располагались в самом высоком здании города – стеклянной башне, чья вершина терялась в облаках, будто пыталась достать до звезд. Поднявшись по мраморным ступеням, я нажала кнопку домофона. В ответ зазвучала веселая мелодия, диссонирующая с моим настроением, а затем раздался женский голос:

– Добрый вечер. Назовите номер квартиры.

Я засуетилась, лихорадочно ища бумажку в джинсах, но дверь неожиданно открыла полная дама с пуделем. Пока она ворчала на собаку за медлительность, я юркнула внутрь, чувствуя себя незванным гостем.

Меня встретил просторный холл, больше похожий на вестибюль пятизвездочного отеля. С высокого потолка свисала огромная хрустальная люстра, чей свет танцевал по стенам с вкраплениями каменной крошки. Вдоль них выстроились черные диваны, выглядевшие настолько безупречно, что на них, казалось, никто никогда не сидел. Перед ними стояли деревянные журнальные столики со свежими розами, чей запах щекотал ноздри. Вся эта картина напоминала убранство зимнего дворца.

За белой мраморной стойкой стояла женщина в возрасте, окинувшая меня взглядом, полным вежливой снисходительности. Я нерешительно двинулась вперед, чувствуя, как кроссовки противно скрипят по отполированному полу, оставляя невидимые, но стыдные следы моего несоответствия этому месту.

– Чем могу помочь? – спросила она с отточенной улыбкой.

– Я пришла к профессору Нокту, – голос прозвучал неуверенно.

Черт! Нужно было просто назвать квартиру.

– Второй лифт, справа от стойки. Тридцать второй этаж, – отчеканила она, указав рукой с идеальным маникюром в нужную сторону.

Зеркальный лифт, отражавший десяток моих испуганных лиц, стремительно поднялся вверх. На месте меня ждал длинный безликий коридор с вереницей одинаковых дверей, словно в кошмаре. Я снова изучила листок с адресом и с ужасом убедилась: номера квартиры там нет.

– Черт! – Вырвалось у меня.

В отчаянной попытке дозвониться до мистера Логана, я прошла по коридору туда-обратно, убедившись, что табличек с фамилиями не предусмотрено. Уже развернулась, чтобы в позоре спуститься вниз, как одна из дверей бесшумно открылась. Оттуда показалась до боли знакомая фигура.

Карин.

Блять. Будто мне мало было трудностей.

Я инстинктивно вжалась в стену, но было поздно – она меня заметила. В ее глазах на мгновение мелькнуло удивление, тут же сменившееся ледяным блеском.

– Ты что здесь забыла? – голос звучал приторно-сладко, но я знала, какая желчь скрывается за этой интонацией.

Я замерла, подбирая слова. Карин выглядела как обычно: короткое облегающее платье, каблуки, яркий макияж. Но волосы были непривычно растрепаны.

– Я пришла к профессору Нокту! – зачем-то оправдалась я, сразу возненавидев себя за эту глупость.

– Его еще нет, – донесся низкий мужской голос из глубины апартаментов.

От этого звука по спине побежали мурашки. Дверь распахнулась шире, и в проеме появился он. Тот, кто остановил Рекса. Тот, кого я видела каждый раз, когда закрывала глаза. Сердце предательски замерло. Я опустила взгляд, но зрелище обнаженного торса уже врезалось в память. Бронзовая кожа подчеркивала рельеф мышц – казалось, его сотворили специально, чтобы сводить смертных с ума.

Сердце предательски замерло, когда наши взгляды встретились. Я резко опустила глаза, но было уже поздно – зрелище обнаженного торса врезалось в память. Бронзовая кожа подчеркивала каждый рельеф мышц, будто его сотворили специально, чтобы сводить простых смертных с ума. В животе вспыхнуло жжение – не ревность, а нечто дикое, не поддающееся контролю.

– Что, решила заранее залезть к профессору в трусы, чтобы получить автомат? – яд Карин быстро растворил мое смещение.

Я закатила глаза так сильно, что едва не увидела собственный затылок.

– Я не пользуюсь твоими проверенными методами.

– Да куда тебе до меня, – она сделала шаг вперед.

– Я не опускаюсь так низко, – отрезала я.

– Думаешь ты лучше меня? – зашипела Карин. Ее ноздри раздулись, а грудь тяжело вздымалась.

– Знаю

Я могла бы промолчать. Сдержаться. Но не сегодня. Не когда внутри все клокотало и рвалось наружу: накопившаяся злость, боль, несправедливость этого дьявольского мира. Девушка рванула ко мне, но крепкие руки мужчины мгновенно преградили ей путь.

– Тебе пора, – произнес он расслабленно, но во взгляде читалась сталь.

– Но... – попыталась она возразить.

– Пора, – повторил он тише, и в тоне появилось нечто, от чего даже у меня похолодело внутри.

Карин замешкалась, но кивнула. Ее попытка поцеловать его в щеку провалилась – он отстранился, как от чего-то заразного. Презрительно фыркнув в мою сторону, она резко раз-

вернулась на каблуках и, раскачивая бедрами, направилась к лифту, оставляя за собой шлейф дорогих духов, которые теперь пахли для меня фальшью.

– Можешь подождать внутри, – мужчина улыбнулся, и мое сердце вновь рвануло вскачь. Квартира оказалась... неожиданной.

Светлые стены – не стерильно-белые, а теплые, как песок в последних лучах заката. Панорамные окна открывали вид на город, который отсюда казался игрушечным: люди, машины и деревья были букашками в этом огромном мире. Прихожая плавно переходила в кухню-гостиную. Мужчина встал за мраморный остров, принявшись что-то доставать из ящиков. Я замерла у двери, стараясь не смотреть на него, но боковым зрением ловила каждый обнаженный сантиметр. Черт. Он был... идеален. Не в том смысле, как мужчины с обложек. Нет. Его тело кричало о силе, о привычке к борьбе.

«Значит, он действительно знаком с болью», – промелькнуло в голове, и я вспомнила наш короткий диалог, когда он буквально спас меня на вечеринке. Шрамы, переплетающиеся с татуировками, только подтверждали это.

– Ты всегда такая? – его бархатный голос заставил меня вздрогнуть. Он поставил бокал на деревянный столик и повернулся.

– Какая?

– Так быстро заводишься, – его глаза медленно скользнули по моей фигуре.

– А ты всегда встречаешь гостей раздетым? – вырвалось у меня.

– Тебя это смущает?

– Вовсе нет.

Ложь. Одно его присутствие заставляло меня таять.

«Соберись!» – приказала я себе, непроизвольно копируя его уверенную позу.

– То есть... тебе нравится? – он шагнул вперед, я отступила.

– Нет! – выпалила я.

– Нет... – протянул он с усмешкой.

Еще шаг – и его дыхание, пахнущее виски и табаком, смешалось с моим. Spина уперлась в дверь, отступить было некуда. Он медленно поднял руку. Я замерла, но его пальцы лишь небрежно смахнули прядь с моего лица.

Вся собранность мгновенно рухнула. Дыхание участилось, тело обмякло, а сердце спешило пробить грудную клетку.

– Дыши, – прошептал он, и его губы оказались так близко, что я почувствовала движение слов больше, чем услышала.

Я не ответила. Не могла. Все мое внимание было приковано к его рту – к той едва заметной кривой улыбке, что выдавала абсолютную уверенность. Он знал, что делает. Контроль был на его стороне.

И тогда я сделала то, чего не должна была.

Подняла глаза.

Наши взгляды встретились, и мир вокруг внезапно перестал существовать. В его глазах я не увидела прежнего веселья, а... звериный голод. Настоящий, непритворный.

Он наклонился.

Расстояние между нами сокращалось с мучительно долго. Кожа пылала от его близости, каждый нерв трепетал в ожидании. Стоило лишь немного повернуть голову – и наши губы встретились бы.

Резкий щелчок дверного замка разорвал напряженную тишину.

Он отстранился так же быстро, как и приблизился, а на его лице заиграла самодовольная улыбка. Сердце ускорило свой ритм, а отсутствие чужого тепла, заставило вздрогнуть.

Что за черт...

Мне потребовалась минута, чтобы прийти в себя. Возникшее наваждение, стремительно сменилось... чем-то, что даже я сама не понимала.

– Что ты делаешь? – выпалила я, быстрее, чем подумала.

– В своей квартире? – сарказм так и капал с каждого его слова.

Мой вопрос был глупым, но отступить было некуда. Этот наглец играл со мной. Адреналин ударил в голову с такой силой, что я прошла в гостиную, не дожидаясь приглашения.

Он уже развалился на диване с непринужденностью хищника, закинув ноги на столик. В татуированной руке мерно покачивался бокал с янтарной жидкостью.

– Выпьешь? – он кивнул на второй стакан.

– А ты одеться не хочешь?

– Ты будешь отвечать на мои вопросы?

– Зачем?

– Я так понимаю, ты не из тех, кто сдаётся.

Я промолчала, но все же опустила на серый диван на почтительном расстоянии. Он усмехнулся, убрал ноги и облокотился локтями на колени. Мой взгляд невольно зацепился за татуировку: черные линии покрывали всю правую сторону его тела, от запястья до шеи, спускались к груди и терялись под резинкой спортивных штанов. Они выглядели странно знакомыми.

Я сглотнула, осознав, что разглядываю его дольше, чем следовало бы.

– Когда будет профессор? – голос звучал увереннее, чем я себя чувствовала. – Мне нужно вернуть книгу до закрытия.

– Профессор? – он рассмеялся, словно услышал шутку, но я лишь нахмурилась. – Обычно он возвращается поздно.

– Но мы договорились о встрече в пять. Именно здесь, – я обвела квартиру руками, чувствуя, как ком раздражения подкатывает к горлу.

– Почему бы тебе не позвонить ему?

Он пододвинул стакан, наполненный янтарной жидкостью и мой взгляд упал на его руки. Большие. Сильные. Такие, что могли бы сломать мне шею одним небрежным движением. От этой мысли по спине пробежал холодок, но... это не пугало. Напротив, в животе зашекетало странное, запретное возбуждение.

– У меня нет его номера, – прошептала я.

– Вот как... – наглец сделал глоток, и я проследила за его кадыком.

– Не мог бы ты узнать, когда он будет?

– Мог бы, – его улыбка стала шире. Опаснее. – Но не стану.

– Почему?

– Что я получу взамен?

«Ну что ж, поиграем», – я прищурилась, оценивая свое положение. В запертой квартире с незнакомым мужчиной, друзья не знают где я... но все эти мысли только усиливали азарт, заставляя кровь бежать быстрее.

– А я думала, ты рыцарь, который спасает даму в беде, – я наконец взяла бокал и откинулась на спинку дивана.

Он замер, будто впервые меня увидел.

– Разовый случай.

– И ты хочешь сказать, что не запомнил свой первый раз? – Я вызывающе улыбнулась, отпивая виски. Жидкость обожгла горло, добавляя огня в и без того разгоряченное тело.

– Туше.

Воцарилась тишина. Не та тяжелая, давящая, от которой хочется сбежать. А странно уютная, обволакивающая, как теплое одеяло в холодную ночь. Я должна была чувствовать себя в ловушке, но по телу разливалось почти грешное спокойствие.

Он нарушил молчание:

– Ответ на мой вопрос – и я позвоню «профессору».

Я медленно подняла голову. В его глазах теперь осталась лишь холодная сталь. Мозолистые пальцы лениво скользили по краю бокала, и я невольно проследила за этим движением, отмечая, как татуировка поглощает свет, впитывает в себя ближайшие тени. Я тряхнула головой, виня за дурное видение напитков.

– Я даже не знаю, как тебя зовут. С чего бы мне откровенничать?

Он наклонился ближе, и в нос ударил аромат – табак, мускус и мята, смешанные с алкоголем.

– Кто-то говорил, что вопрос будет откровенным.

Я разорвала зрительный контакт, продолжая вращать бокал и наблюдая, как жидкость стекает по стеклу. Все его действия кричали о том, что он играет со мной, провоцирует. *Но что, если за этим скрывалось нечто большее?*

– Разве так не интереснее? – грубый голос вернул меня к реальности.

Он допил виски одним глотком, и я невольно проследила за каплей, стекавшей по его подбородку. Она упала на мускулистую грудь, катясь все ниже. И мне отчаянно захотелось стереть ее, прикоснуться к нему...

– Не знать, как меня зовут.

Я подняла голову, надеясь, что он не сможет узнать, что творится в ней.

– Я могу быть твоей тайной.

Неожиданный смех вырвался из меня – звонкий, настоящий. Я даже не успела его сдержать.

– Какая же ты тайна? Я знаю, где ты живешь. Знаю, что ты брат профессора. Узнать имя недолго.

– Звучишь, как настоящая маньячка.

Я наклонилась вперед, вторгаясь в его личное пространство.

– Кто из нас здесь еще и маньяк? Ты запер меня в квартире, и никто не знает, где я.

Он склонил голову набок, рассматривая меня, как диковинный экспонат, задержавшись на пульсирующей вене.

– Как глупо – говорить убийце, что тебя не будут искать.

Я облизала внезапно пересохшие губы, и он проследил за этим движением.

«Попался!»

Я поняла одно: что бы не задумал этот парень, я вызываю у него интерес. И было бы ложью отрицать взаимность.

– Какой вопрос? – я старалась говорить мягко, с придыханием.

Он улыбнулся, понимая, что я приняла условия игры. Взгляд стал томным, тяжелым, заставляя кровь пульсировать в висках. Может, воображение играло со мной, или сказался выпитый алкоголь, но его глаза, некогда черные, блестели аметистовым блеском. Как замороженная, я не могла пошевелиться, даже когда он встал с дивана и навис надо мной.

– Чего ты больше боишься...

Слова не достигли моих ушей, растворившись в ожидании. Его ладонь потянулась к моей щеке. Дыхание перехватило, веки затрепетали...

– Искорка... – чуть громче шепота произнес он.

Но его пальцы лишь едва коснулись кожи, прежде чем он резко одернул руку, будто обжегшись.

– Прости, – твердо произнес он.

Магия исчезла. Он стремительно переместился за кухонный остров, оставив меня с ощущением унижительной глупости.

И в этот самый момент раздался щелчок ключа в замочной скважине. Дверь распахнулась, и на пороге возникла высокая, подтянутая фигура профессора Нокта.

– Эл, простите, что заставил вас ждать. Надеюсь, Кэл вел себя прилично? – голос профессора звучал устало.

Мозг отказывался работать, мысли путались, перемешиваясь с остатками растерянности и... злости. Злости на себя. Я едва не переступила черту...

Я не ответила. Не могла. Слова застряли в горле.

– Мой брат, – он кивнул в сторону острова. Тот поднял стакан в немом тосте, его лицо не выражало ничего, сплошная маска безразличия, отчего в груди больно сжалось.

Кэл. Так его звали.

Я медленно поднялась с дивана, заставляя себя держаться уверенно. Голова кружилась от напряжения, витающего в воздухе, но одно я понимала точно: мне нужно убраться отсюда.

Немедленно.

– В следующий раз предупреди, если мне нужно побыть нянькой, – его голос резанул по нервам. Кэл схватил бутылку и скрылся за дверью, бросив на меня взгляд, полный не то презрения, не то чего-то еще.

Я собрала волю в кулак, выпрямилась и твердо произнесла:

– Профессор Нокт, мне необходимо вернуться в магазин. Я могу забрать атлас?

Притворятся, что ничего не произошло, оказалось проще, чем я думала. Гораздо проще, чем признаться в том, что случилось на самом деле.

Когда Нокт скрылся в кабинете, я дала свободу чувствам. Злость накатила новой, огромной волной, горячей и густой, как смола.

Злость на себя – за то, что позволила ему так легко сломать защиту. За то, что тело трепетало в его присутствии.

Злость на Кэла – за этот взгляд, полный презрения. За то «Прости», которое резануло больше любого ножа.

Злость на профессора – за его опоздание.

И на мистера Логана – за то, что втянул меня в эту историю.

Я сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони, оставляя на коже багровые полумесяцы. В груди бушевало пламя, раскаленное и беспощадное. На миг мне показалось, что что-то внутри рвется наружу, готовое поглотить все на своем пути.

– Эл, вы в порядке? – из ступора меня вывел голос профессора.

Я лишь механически покачала головой, хватая упакованную книгу. Крафтовая бумага хрустела под пальцами, напоминая о том, какой была моя жизнь до этого лета – обыденная, однотонная, предсказуемая.

Выбежав на улицу, я старалась идти по опустевшим улочкам, не чувствуя ни усталости, ни холода. Только эту чертову, липкую ярость, что пульсировала в висках в такт шагам.

Магазин был уже закрыт. Запасной ключ дрожал в пальцах, но все же замок поддавался. Бросив атлас в кабинете мистера Логана, я даже не заметила, что он был открыт, не задержалась, чтобы поискать ответы на мои вопросы.

Дорога домой слилась в одно серое пятно. Полуночный ветер трепал волосы, но не мог сдуть: «Прости». Одно слово, пульсировавшее в голове, обожгло сильнее, чем его прикосновение. *Он сожалеет.* Сожалеет о том единственном моменте, когда я позволила себе снять маски, наслаждаться моментом, просто быть, не думая не о чем.

Боль пронзила насквозь. Я остановилась посреди перекрестка и закричала. Закричала так, будто пыталась вырвать из груди проклятое влечение, что жгло изнутри. Крик рвал горло, но я не могла остановиться, пока не почувствовала вкус крови на губах.

«Не хочу ничего чувствовать!» – эта мысль стучала в висках, пока я брела к общежитию.

Комната встретила тишиной и темнотой. Триксит не было – отлично. Я рухнула на кровать, не снимая одежды.

Тьма снова меня поглотила.

Глава 8

Все дни до выставки я провела в «Книжном архиве», уткнувшись в каталоги и инвентарные списки, надеясь, что пыльные фолианты станут щитом между мной и миром. Стены старого здания, пропитанные ароматом переплетной кожи и выцветших страниц, казались единственным убежищем: здесь не было зеркал, в которых отражалось бы мое бледное лицо, и не звучали вопросы, от которых сжималось горло.

Один из дней мы потратили на перевозку экспонатов в «Хрустальный Атриум». Я наблюдала как музейные работники в стерильных перчатках обращаются с бесценными томами. Их пальцы скользили по обложке «Трактата о легендах мироздания» с почти кошунственной легкостью, и каждый раз при этом у меня сжималось в груди. Особенно тогда, когда один из них – парень с безразличным лицом – небрежно провел по черному срезу, оставив вмятину, я едва сдержала порыв вырвать книгу. Не только из-за ее ценности – я сама отчаянно жаждала прикоснуться к этим страницам, вдохнуть тайны, скрытые в них.

Где-то в этих текстах мог быть ключ к тому, что мучило меня все эти дни. Я чувствовала это кожей: знание было так близко, буквально на расстоянии вытянутой руки. И теперь я проклинала тот вечер, когда все пошло наперекосяк. Вместо изучения фолианта, я позволила незнакомцу с аметистовыми глазами сбить меня с пути. Его прикосновения, его «Прости» – все это казалось ловушкой.

Я сжала кулаки, ощущая, как ногти впиваются в ладони. Возможность ускользнула, как песок сквозь пальцы. И теперь, глядя как «Трактат» упаковывают в специальный футляр, я с ужасом понимала – неизвестно, представится ли мне еще один шанс. Эта книга после выставки вернется к своему новому владельцу, с которым я бы не хотела иметь дело.

– Будьте осторожнее! – голос прозвучал резче, чем я планировала, когда грузчик неловко повернул фолиант. Мистер Логан бросил на меня удивленный взгляд, но я не могла сдержаться. Казалось, если с книгой что-то случится, вместе с ней разобьется последняя надежда найти ответы. Я отвернулась, делая вид, что проверяю список, пока не справилась с предательским комом в горле.

«Хрустальный Атриум» – древняя библиотека на правом берегу Нортвейла – казалась высеченной из лунного света. Ее белоснежные стены, припорошенные алмазной пылью, переливались в лучах заката. Широкая парадная лестница из молочного мрамора вела к массивным дубовым дверям с бронзовыми ручкам в виде спящих драконов. Их кольца, хранившие память о тысячах рук, прикасавшихся к ним за века существования, оставались мертвенно холодными на ощупь даже в самый жаркий летний день.

Когда я переступила порог, дыхание перехватило от восторга, а сердце замерло на мгновение, пораженное открывшимся великолепием.

Внутри царил атмосфера застывшей магии. Высокие сводчатые потолки, подобные небесному куполу, украшали хрустальные люстры, чьи тысячи подвесков дрожали от малейшего движения воздуха, рассыпая по залу радужные блики. Стены с причудливыми серебряными узорами, напоминающими древние руны, отражали свет, создавая иллюзию бесконечного пространства, уходящего далеко за пределы человеческого восприятия. Но истинное волшебство творили витражи с изображениями зодиакальных созвездий. Вечернее солнце, пробиваясь сквозь цветное стекло, рисовало на полированном полу мерцающие узоры.

Центральный зал, предоставленный для выставки, напоминал храм знаний. Работники магазина уже выставили на резные подиумы некоторые сокровища:

«Летопись Утраченных Цивилизаций» в переплете из кожи морского змея, страницы которой пахли солью и ладаном;

«Травник Целительницы Альдис» с засушенными цветами;

«Атлас звездных карт» прошлого века – гигантский фолиант, где созвездия были вышиты настоящими золотыми нитями, мерцающими при малейшем движении, словно настоящие звезды в ночном небе.

Но истинными жемчужинами коллекции, ради которых затевалось мероприятие, стали реликвии, сияющие в четырех углах на резных помостах:

«Трактат о легендах мироздания» – черный кожаный переплет с красным камнем на обложке, раскрытый на странице с картой «Королевство Арентора»;

«Мемуары Бессмертного Алхимика» – сборник заметок автора;

«Хроники падших ангелов» – древняя рукопись с кровавыми пятнами на полях, написанная на забытом языке;

И загадочный «Кодекс теней», чьи страницы напоминали вулканическое стекло.

В центре зала возвышалась ротонда с фонтаном, где вместо воды струился свет – голубовато-белые потоки, завораживающие взор. В глубине расположилась сцена, где уже готовились к выступлению музыканты. Арфа, скрипка и рояль ждали своего часа, чтобы наполнить пространство мелодиями. И лишь одно выбивалось из гармоничной картины – огромная алая растяжка: «Выставка запретных истин». Я невольно фыркнула, представляя, как Триксит pokrутила бы пальцем у виска, при виде такого пафоса. При мысли о подруге сердце заняло – мы нормально не общались неделю, что было совсем на нас не похоже.

Для Мистера Логана это была далеко не первая дорогостоящая выставка, но для меня – дебют, от которого тряслись поджилки.

Воздух в атриуме был пропитан ароматом свежих цветов и дорогих духов, смешиваясь с едва уловимым запахом старины. Мы с боссом встречали гостей. Я искусала все губы до боли, что пришлось до начала мероприятия подкрашивать их уже несколько раз.

– Волнуешься? – спросила я, нервно перебирая пальцами край планшета. Голос прозвучал чуть выше обычного, выдавая напряжение.

Мистер Логан резко выпрямился, поправив очки в золотой оправе, которые вечно сползали на кончик длинного носа.

– Нет, что ты, – неестественный смешок разнесся под сводами. – Это всего лишь самое масштабное мероприятие в моей жизни. Чего мне волноваться?!

Он вытер платком лоб, на котором выступили бисеринки пота, несмотря на прохладу вечера. Белоснежная ткань быстро превратилась в мятую тряпочку в его дрожащих пальцах. Но даже это не могло испортить его безупречный образ – серый костюм-тройка сидел по фигуре, а золотые запонки сверкали при каждом движении, как маленькие огоньки.

Я машинально провела рукой по волосам, убирая от лица рыжую прядь. Вечерний макияж действительно скрыл следы двух бессонных ночей, проведенных за подготовкой, но в глазах все еще читалась усталость. Огненное платье облегло фигуру, с каждым шагом открывая стройную ногу, а полупрозрачные рукава создавали иллюзию защищенности.

Официанты в белоснежных рубашках и черных жилетах, выстроились вдоль стен, у каждого в руке – поднос с шампанским. Они ожидали первых ценителей искусства. Я же хотела поскорее осушить один из бокалов, чтобы придать себе каплю спокойствия.

Увлечшись своими мыслями, я почти не замечала прибывающих, пока не услышала:

– Миссис Виолетта де Аркур.

Мистер Логан с изысканным поклоном поцеловал пухлую руку дамы из мэрии, на которой красовалось кольцо с камнем размером с перепелиное яйцо.

– Мисс, – поправила она, высокомерно тряхнув головой так, что второй подбородок дрогнул.

Перед нами стояла женщина в платье цвета ночного неба, которое явно было ей мало. Пышная грудь грозила вырваться наружу, когда она гордо проследовала внутрь.

Стараясь скрыть свое изумление в планшете, я замерла, услышав ядовитый голос:

– Семейство Бельмонте.

Я взяла приглашение у Карин, стараясь не касаться пальцев, боясь, что она выпустит острые когти, и парализует меня еще больше.

– Эл, так ты сегодня в качестве дворецкого?! – Ее голос зазвенел, как разбитое стекло. – Зарабатываешь деньги на свою никчемную жизнь?

Она медленно сняла черные кружевные перчатки, которые рухнули к моим ногам с беззвучным презрением.

– Думаю, тебе стоит еще и прибраться. Твое платье как раз смахивает на половую тряпку.

Я окинула ее взглядом: золотые туфли на нереально высоких каблуках, обтягивающие платье, бархатный чокер с бриллиантом, напоминал ошейник, а макияж и прическа выглядели так, будто их делали во время землетрясения. Натянув милую улыбку, я вложила в каждое слово все напускное безразличие:

– Хостес, но боюсь, новое слово не поместится в твою маленькую головку. Желаю хорошо провести время, Карин!

Мистер Логан, сохраняя ледяное спокойствие, поднял перчатки и протянул их ей с изысканным поклоном:

– Мисс Бельмонте, кажется, вы обронили.

Она залилась краской, выхватила перчатки и поспешила за родителями, напоследок бросив мне взгляд, полный обещания мести.

– Спасибо, – прошептала я, – за все.

Когда Мистер Логан удалился «развлекать живые кошельки», я осталась одна. Драгоценности гостей сверкали так ярко, что было больно смотреть. Если бы сейчас произошло ограбление, добычи хватило бы на покупку небольшого острова. Мои циничные мысли прервал низкий, хриплый голос, от которого по спине пробежали мурашки:

– Мистер Блэкхарт.

Я медленно подняла голову, в надежде, что передо мной будет стоять не причина моего провала. Но увы. Взгляд столкнулся с темными глазами.

Кэл.

В черном костюме, пиджак расстегнут, как и две верхние пуговицы рубашки, обнажая ключицы и начало грудной мышцы. Он протягивал приглашение. Стараясь отогнать воспоминания о том злосчастном вечере, я потянулась за ним, и наши пальцы соприкоснулись. Искра пробежала по руке, ударив прямо в солнечное сплетение. Сердце гулко стукнулось о ребра. Я замерла, не в силах оторвать взгляд от его лица, где читалась та же борьба эмоций, что и у меня.

– Кэл, наконец-то ты пришел! – пронзительный голос Карин вернул меня в реальность.

Но он не отвел взгляд. Мозолистые пальцы скользнули по моим, прежде чем он убрал руку.

– Эл... – в одном этом слогe было столько боли, что у меня сжалось горло.

«Прости», – голос Кэла прозвучал у меня в голове.

– Хорошего вам вечера! – я резко перебила его.

– Послушай... – он сделал шаг вперед, но я инстинктивно отступила, прижимая планшет к груди как щит.

– Спутница ожидает вас.

Я обошла его, приглашая следующих посетителей, но отчетливо ощущала, как его взгляд прожигает мне спину.

Только когда он отошел, я позволила себе глубокий вдох. Легкие заполнились его терпким ароматом. Нет. Не сейчас.

Возможно, никогда.

Встретив последних прибывших, я поспешила в центральный зал. Хрустальные люстры дрожали в такт тихой музыке, рассыпая по стенам блики. Каждый из них казался мне насмешкой – такой же непостоянной, как и здешние люди.

Знатные особы города неторопливо бродили между витрин, рассматривая экспонаты с тем видом превосходства, который можно было купить только за шестизначные суммы. Они мило беседовали, кивали, улыбались – и тут же, едва собеседник отворачивался, лица искажались от презрения.

Какое лицемерие.

Но я ничем от них не отличалась. Тоже улыбалась, хотя губы уже ныли от напряжения, тоже делала вид, что мне интересны их пустые разговоры. Но внутри все кипело – особенно когда взор самовольно находил в толпе Карин. Она прижималась к нему, но было похоже, что он сдерживается, чтобы не оттолкнуть ее.

Я стиснула зубы так сильно, что в висках застучало, и обратилась к пожилой паре у витрины с древним манускриптом.

– Этот фолиант был найден в руинах монастыря, – голос звучал уверенно, хотя пальцы нервно барабанили по бедру. – Чернила до сих пор сохранили цвет благодаря особому составу...

Мистер Логан мельком поймал мой взгляд и кивнул в сторону сцены.

– Извините, – я протиснулась к задним рядам.

Там, в тени колонн, я схватила бокал у официанта и залпом осушила его, чувствуя, как алкоголь растекается теплом по уставшему телу, смягчая острые углы реальности. Прислонившись оголенной спиной к холодному мрамору, я шумно выдохнула. Ноги горели, будто я простояла на каблуках не вечер, а целую вечность.

На сцене появился босс и зал затих.

– Дамы и господа. – его голос слегка дрожал. – Рад вас приветствовать на «Выставке запретных истин».

Он говорил о реликвиях, переживших века, о тайнах, которые могли бы навсегда исчезнуть... Но я почти не слушала.

– Пусть все истины не будут запретными! – зал взорвался аплодисментами.

– Продолжаем веселиться! – крикнул он, спускаясь со сцены.

Его тут же перехватила женщина из мэрии. Я фыркнула, наблюдая, как мужчина прижимается к ее пышной груди. Лицо мистера Логана побагровело от отчаянной попытки вырваться.

«Бедняга», – подумала я.

Музыка сменилась – зазвучал вальс, струны арфы запели томно и страстно. Свет приглушили, оставив только мягкое свечение точечных ламп. Пары закружились в танце, их тени сливались и распадались на стенах. Я собиралась сделать еще один глоток, как вдруг передо мной возник силуэт.

– Потанцуй со мной, – рука Кэла повисла в воздухе.

– Может, стоит пригласить вашу спутницу? – я осушила бокал и кивнула в сторону Карин, которая уже неслась к нам.

Но он не стал медлить. Схватил меня за талию – пальцы обожгли кожу даже сквозь ткань – и буквально выволок на танцпол. Я лишь успела по дороге сунуть бокал официанту, который смотрел на эту сцену с немим вопросом в глазах.

– Эй! – я попыталась вырваться, но он повел нас в танце, прижав к себе так, что я буквально чувствовала жар его тела.

Мои ладони уперлись в его твердую грудь. Под кожей я ощущала неровные удары сердца, словно оно пыталось подстроиться под ритм моего.

– Ты что, совсем... – начала я, но слова потерялись в вихре движений. Мозолистые пальцы впивались в бок, оставляя невидимые следы.

«Твою ж», – выругалась я, когда наши глаза встретились.

В его темном взгляде читалась внутренняя борьба. *Нем!* Я не должна была позволять влечению взять верх. Но парфюм – мускусный, с нотками мяты – ударил в нос, и на веки прикрылись. Танец унес меня далеко, за пределы атриума, в какое-то другое время, другое место, где музыка звучала так же, а наши тела двигались в унисон, словно всегда знали этот ритм. Прикосновения Кэла кричали о том, что это уже было.

Музыка, танцы, он и я.

Когда его дыхание коснулось кожи, в памяти всплыл вечер в квартире Нокта... Я резко отстранилась, чуть не запутавшись в собственных ногах, но он не позволил мне упасть, крепко удерживая в объятиях. Лунный свет упал на его лицо, выхватив аметистовый блеск глаз. Словно он понял, что я что-то почувствовала, что память прорвалась сквозь плотину, которую так тщательно строили. Он наклонился ближе, губы почти коснулись уха, отчего по спине побежали мурашки.

– Я готов танцевать, только сгорая в огне моей Искры, – прошептал он, и слова обожгли сильнее любого прикосновения.

Я натянула на лицо равнодушную маску, хотя внутри все дрожало, и тихо произнесла:

– Не боишься вновь пожалеть о своих действиях?

Он прижал меня сильнее в плавном повороте. Я не надеялась на ответ, но Кэл тихо произнес:

– Я не об этом сожалею...

Предательское сердце пропустило удар, готовое схватиться за маленькую надежду, но как только в периферии промелькнула Карин... все рухнуло.

– А думаю – стоит, – я указала головой на нее.

Благородство не про меня, но играть в то, где не знаешь правил, не в моих интересах. Я медленно выдохнула, прислушиваясь к разуму, и твердо произнесла:

– Как только закончится сделка профессора Нокта и мистера Логана, мы вряд ли еще увидимся.

Его хватка стала сильнее, но я не могла позволить ему действовать дальше – если так продолжится, дурацкое сердце может разбиться в один миг. Маска безразличия скрыла истинные эмоции, как делала это сотни раз, но почему-то сейчас... было труднее.

– Спасибо за танец.

Музыка стихла, оборвавшись на высокой ноте. И я ощутила невидимую черту, которая пролегла, между нами. Мы замерли. По лицу Кэла читалось, что он хочет сказать что-то важное, но я выскользнула из объятий и отошла к своей колонне. Оглянувшись, я увидела, как Карин тут же вцепилась в него, словно хищница. Я грустно усмехнулась, ощущая во рту привкус горечи.

Как же все это утомительно.

Но вечер продолжался.

Глава 9

Легкие сжимались от вязкого выставочного воздуха, пропитанного духами, ладаном и старинными экспонатами. В груди болезненно ныло. Я блуждала взглядом по залу, пытаюсь найти точку опоры среди это блеска и фальши, и неведомая сила потянула меня вправо.

Обернувшись, я увидела скульптурный помост с тем самым трактатом, который заполучил профессор Нокт. Ноги сами понесли меня вперед. Я оказалась в плотную к стеклу, достаточно близко, чтобы разобрать текст на тронутых временем страницах. По телу разлилось странное тепло – смесь предвкушения и тревоги. Все эти дни я жаждала окунуться в древние знания, поискать свои ответы в выцветших буквах. И вот у меня появился шанс – крошечный, но шанс.

Первая страница содержала карту, начерченную тонкими, изящными линиями. В центре красовался замок с горделивой подписью «Королевство Арентор». От него, словно лучи солнца, расходились пять ответвлений. В верхнем правом углу – бронзовый замок поменьше с выведенным каллиграфическим почерком «Дом Хаоса». Напротив, в левом углу, чернел мрачный замок с подписью «Дом Тьмы», а под ним сиял белоснежный – «Дом Света». Правый нижний угол занимали парящие в небесах скалы – «Элементаль». И в самом низу, под очерченной линией располагалась «Терра».

Я перевела взгляд на следующий лист:

«Да будет ведомо всем, кто держит сей свиток в руках своих, о великом устройстве Королевства Арентор, что стоит нерушимо сквозь кровавые луны, объединяя под сенью короны Пять Домов, кои суть столпы его могущества.

Во главе же стоит Дом Хаоса, хранители Искр Первородного Пламени. Частицы сии, рожденные в миг сотворения мира, дарят избранным силу, кою не сокрушить мечом, выносливость, что не знает предела, и исцеление сравнимое с возрождением огненной птицы. Носители их – непобедимы, ибо сами свет и тьма сплетаются в их жилах.

По правую руку от престола стоят Дом Тьмы и Дом Света, вечные противники и вечные стражи равновесия.

Воинство Тьмы – мастера клинка и тени, чьи тела испещрены Руной Древней Клятвы. Когда гнев их пробуждается, знаки сии загораются аметистовым светом, и из их чернильной мглы рождается оружие, пожирающее саму суть врага.

Свет же хранит мудрость целителей и щитоносцев. Их длани врачуют раны, а воля воздвигает преграды, сквозь кои не проникнет ни стрела, ни чары.

Четвертым почитается Дом Элементаль, чьи маги повелевают стихиями. Огнем, землей, водами и ветрами они правили наравне со светом и тьмой, пока Битва при Вечном Разломе со Скорнарамми, вышедшими из глубин, не ослабила их. Ныне они ушли за его пределы, и с тех пор не слышно голосов их уже много Кровавых лун.

О Пятом же ДOME – Терре – говорить не должно.

Вырезка из свитка «Хроники Арентора».

Записано рукой архивариуса Гримо.»

С каждой прочитанной строчкой странное чувство в груди усиливалось. Голова раскалывалась от вспыхнувших моментов: аметистовый отсвет в глазах Кэла, перламутровое мерцание в лесу... Ноги внезапно подкосились, и я инстинктивно схватилась за стеклянный купол. В тот же миг по пальцам пробежало резкое покалывание, переходящее в жгучую боль. Я одернула руку, будто обожглась, и эта боль, острая и реальная вернула меня в действительность.

Теплая ладонь на плече заставила вздрогнуть. Мистер Логан подошел бесшумно.

– Эл, как тебе вечер?

Мне не хотелось его расстраивать в такой день.

Я привычно улыбнулась и с театральным вздохом приложила руку к груди:

– Ты как всегда великолепен. А твоя речь – пожалуй, лучшее, что я слышала.

Он рассмеялся – мягко, по-отечески, но в его глазах читалась озабоченность:

– Профессор Нокт не смог присоединиться сегодня. Сможешь доставить ему трактат?

Я нахмурилась, чувство тревоги росло в геометрической прогрессии:

– Но ведь здесь его брат. Разве он не может...

– Девочка моя, – перебил он, понизив голос почти до шепота, – я бы не беспокоил тебя в такой вечер, если бы был уверен в ком-то другом. У нас с профессором... особая договоренность.

Безвыходность ситуации была на лицо, поэтому я просто кивнула и стала ждать, упакованный трактат со всеми документами. Принимая чемодан, я почувствовала его неожиданную тяжесть.

Я поспешила к выходу, ловко лавируя между гостями, стараясь ни с кем не столкнуться. Особенно с одним человеком...

Мысль о том, что мне предстоит развозить артефакты в вечернем платье и на шпильках, вызвала горькую усмешку. Жизнь порой преподносит абсурдные ситуации. А я, видимо – королева, таких ситуаций.

Глава 10

Прохладный ночной ветерок окутал тело, пробираясь под тонкую ткань платья и заставляя кожу покрыться мурашками. Он играл распущенными волосами, навязчиво трепал, словно пытался отвлечь от предстоящей встречи. Я торопливо шагала к пустынной парковке, с каждым метром яснее осознавая опрометчивость своего решения. Нужно было заказать такси, а не выбегать на улицу в легком вечернем наряде, рассчитывая поймать машину взмахом руки.

– Черт, – вырвалось сквозь стиснутые зубы.

Я уже собиралась развернуться и вернуться к освещенному атриуму, где хотя бы было тепло, как услышала за спиной резкие, отрывистые шаги. Каблуки звонко стучали по каменной дорожке, нарушая тишину ночи, а следом раздался язвительный голос:

– Боишься, что в полночь твой наряд превратится в тряпку?! Так не бойся, ты уже в ней!

Я замерла, чувствуя, как внутри закипает раздражение. Плечи напряглись, но я не обернулась сразу, дав себе секунду, чтобы вдохнуть глубже.

– Ты повторяешься, Карин. Как придумашь, что-то новенькое, дай знать, – бросила я, стараясь сохранить равнодушный тон, но усталость все же прокралась в голос.

Я двинулась вперед, однако чужие пальцы вцепились в мой локоть, резко дернув назад с силой, которой я не ожидала от этой хрупкой фигурки.

– Ты думаешь, что лучше меня?

Развернувшись, я высвободилась из цепкой хватки. В воздухе повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь настойчивым стрекотом сверчков и далеким гулом ночного города. Бледный свет фонарей подсветил лицо Карие: губы, искривленные от ярости, брови, сведенные в резкую складку, ноздри, раздутые от гнева. Тени подчеркивали каждую морщинку напряжения, делая девушку почти... уродливой.

– Чего ты хочешь?

– Он мой! – крик Карин пронзил мой череп.

Ее глаза сверкали в темноте, как у разъяренной кошки, а гримаса все больше выдавала истеричность.

– Блять, Карин, – я сжала голову свободной рукой, чувствуя, как пульсирует кровь в висках. – Мне сейчас вообще не до тебя. Я вымотана, а ещё нужно доставить эту чертову книгу профессору. Так что сделай одолжение – отъебись.

Но она не отступала. Ее удушливые духи смешались с летней прохладой, заключая меня в ловушку.

– Я тебя предупреждаю! Кэл – мой! Если я еще раз тебя увижу рядом с ним, то...

– То что? – мой голос внезапно обрел твердость. – Попытаешься ударить меня? Испортишь жизнь? Твои угрозы уже устарели.

Внутри что-то вспыхнуло – горячее, яростное, долго сдерживаемое. Я устала. Устала от ее выходок, от этой ночи, от необходимости контролировать каждое слово и жест. Ладонь сжимающая чемоданчик, превратилась в кулак, а в жилах закипела раскаленная сталь.

– Хочешь продолжить?! Давай! – я шагнула вперед, и Карин попятилась. Губы девушки задрожали, когда она выдохнула:

– Ты действительно думаешь, что такая, как ты, может быть ему интересна?

Силиконовая грудь тяжело вздымалась под золотистым платьем, челюсть плотно сжалась, на висках выступили вены – она была в ярости.

– Обязательно спрошу у него, как только окажусь рядом, – ответила я, но глядя на ее состояние, не ощутила вкуса победы.

Лицо одноклассницы залилось пунцовым румянцем, который явно не шел ее наряду. Она открыла рот, но вдруг замерла, как рыба. Глаза округлились, взгляд метнулся куда-то мне за спину.

Я не успела обернуться. На мою талию легла знакомая мужская ладонь – твердая, большая, уверенная. Негативные эмоции отступили, даря неожиданный покой. Я непроизвольно прижалась спиной к мужской груди, ощущая сквозь тонкую ткань рубашки биение сердца Кэла – неровное, бешеное, так похожее на мой собственный.

– Эл, я тебя подвезу, – голос Кэла прозвучал прямо у моего уха, низкий, с легкой хрипотцой.

Я медленно развернулась в его объятиях, встречаясь с темным взглядом, в котором отражались огни города. Кивнула, не в силах произнести ни слова.

Карин растворилась в ночи, оставив после себя лишь горький привкус ядовитых слов. Странное притяжение затягивало в свои сети, пряча от всего мира, но я все же отстранилась и глубоко вздохнула.

– Спасибо, но я справлюсь сама, – голос предательски дрогнул.

– Ты уже согласилась, – между его бровями залегла складка.

– Не льсти себе, – я махнула рукой в сторону, куда ушла Карин. – Просто хотела вывести ее из себя.

Его вибрирующий смех заставил меня стиснуть зубы. Этот звук обнажил всю абсурдность ситуации: две женщины, сцепившиеся из-за мужчины, который, кажется, наслаждался этим спектаклем.

Я уже собиралась уйти, но не успела сделать и шага, как его рука вновь обхватила мою талию, даря желанное тепло.

– Не усложняй, – в его тоне прозвучало раздражения. – Я предложил удобный вариант. Просто прими помощь.

– Я не хочу! – попытка вырваться оказалась тщетной – хватка усилилась, не причиняя боли.

Он наклонился, так что наши носы почти соприкоснулись.

– Я не предлагаю ничего такого... – каждое произнесенное слово обжигало кожу, сильнее прикосновений. – Хотя мы и направляемся ко мне домой.

Я подняла взгляд, и время будто замерло. Наши глаза встретились в немом поединке – мои голубые, полные бурлящих эмоций, против его темных, глубоких как ночь, в которых иногда сверкали фиолетовые молнии. Его большой палец начал медленный, гипнотизирующий танец на коже, рисуя невидимые узоры, от которых по спине побежали мурашки.

Внезапно Кэл наклонил голову, и его губы почти коснулись моего уха:

– Хотя... – выдохнул он, а рука сжала талию так крепко, что из моей груди вырвался невольный вздох. – Я не против.

Сердце бешено ударилось о ребра, предательски выдавая смятение. Я отпрянула, мысленно послав его к чертям, но, видимо произнесла это вслух.

– Моя Искра, когда-нибудь ты пожалеешь, что оскорбляла меня, – его смех пробежал по телу, как электрический разряд.

Я вздрогнула, но не от страха – от манящего и опасного обещания.

Кэл начал снимать пиджак. Я как замороженная уставилась на это зрелище. В лунном свете его фигура казалась совершенной: широкие плечи, узкие бедра, мышцы, играющие под тонкой тканью рубашки. Прохладный ветерок принес с собой его аромат. Соски затвердели, и я скрестила руки на груди, пряча свою уязвимость.

– Хочешь начать здесь? – слова сорвались прежде, чем я успела подумать.

Кэл шагнул ближе, и мир сузился до пространства между нами. На его лице появилась лукавая улыбка.

– Ты дрожишь от желания или от холода? – спросил он.

Я не успела ответить. Внутренняя борьба взяла верх: я одновременно желала притянуть его ближе, раствориться в сильном теле, и оттолкнуть, сбежать и больше никогда не встречаться. Рядом с ним мозг отключался.

Пиджак упал мне на плечи, мгновенно согревая. Ткань пахла им – табаком, мускусом и мятой.

– Вот и я тоже подумал, что от холода, – он усмехнулся.

Прежде чем я успела возразить, он развернулся и зашагал к парковке. Кэл двигался с хищной грацией, шаги отмеряли расстояние с пугающей точностью, будто каждый сантиметр пространства был просчитан заранее. Я застыла, наблюдая, как лунный свет скользит по его спине, подчеркивая опасную красоту. Он не оглянулся. Не проверил, следую ли я за ним. Эта беспечность сводила с ума, заставляя сердце биться чаще.

Он дал мне выбор. Простое решение – принять помощь или сохранить гордость. Но за этим стояли десятки невысказанных вопросов: почему он не ушел с Карин? Почему тогда в квартире Нокта он смотрел с презрением, а теперь – с интересом?

Я чувствовала подвох. Это была сложная партия, где я всего лишь играла роль пешки. И черт возьми, как же хотелось перевернуть доску!

Сделав глубокий вдох, я приняла решение.

Его «Кадиллак» вблизи выглядел как продолжение владельца – черный, блестящий, смертельно опасный. Он открыл переднюю дверь, и на мою попытку сесть сзади лишь покачал головой.

– Ты сядешь здесь, – сталь в его тоне не оставила места для возражений.

Мозолистая рука протянулась навстречу. Эти ладони не принадлежали изнеженному аристократу. Воспоминания нахлынули волной: шрамы на его обнаженном торсе, слова о знании настоящей боли...

– Я не кусаюсь, – грубый голос вырвал меня из раздумий.

Я приняла помощь. Его пальцы сомкнулись вокруг моих с пугающей осторожностью.

– Только, если женщины сами не попросят об этом, – он усмехнулся и закрыл дверь.

«Мудак!» – мысль пронеслась, как молния, но где-то глубоко внутри что-то болезненно сжалось.

Машина резко тронулась с места. Я вжалась в сиденье, чувствуя, как холодная кожа кресла контрастирует с жаром, разливающимся по телу. Городские огни за окном сливались в разноцветные полосы, а ритмичная музыка заполняла пространство между нами. Его руки уверенно лежали на руле, и я не могла оторвать взгляд от сурового профиля, освещенного неоновыми вывесками.

Усталость накатила внезапно. Глаза сами собой начали закрываться. Последней мыслью перед тем, как погрузиться в забытие, была: «Я научусь играть лучше тебя, Кэл».

Глава 11

Я проснулась от нежного прикосновения. Теплая, шершавая ладонь осторожно скользнула по щеке, вытирая слезы, которых я сама не заметила. Открыв глаза, я увидела склоненного надо мной Кэла – обычно холодный взгляд был серьезен и полон беспокойства.

– Ты кричала во сне, – тихо сказал он.

Я резко отстранилась, спина вжалась в сиденье авто. Пиджак прилип к мокрой от пота коже. Сердце бешено колотилось, дыхание сбилось, от пелены кошмара. Дрожащими пальцами, я провела по лицу, ощущая влагу.

«Блять», – пронеслось в голове.

Я не помнила, чтобы когда-либо просыпалась в слезах. В последнее время кошмары оставляли после себя какой-то след – запах сырости, горький привкус страха на языке, обрывки подземелья, отзвук чужого крика. Нечто осязаемое, за что можно было зацепиться сознанием, чтобы отличить сон от яви. Но сейчас не осталось ничего. Лишь ледяная пустота в груди. Абсолютная, всепоглощающая тишина внутри, от которой становилось еще страшнее.

Стараясь не смотреть на Кэла, я отвернулась. За окном не было знакомых очертаний его дома. Вообще не было зданий. Сквозь лобовое стекло открывался потрясающий вид: бескрайняя водная гладь, мерцающая под светом полной луны, обрамленная темными силуэтами скал.

– Где мы? – хрипло прошептала я.

Кэл откинулся на сидение, пальцы пустились в ритмичный пляс по рулю. Его взгляд был прикован ко мне.

– Ты уснула, едва мы тронулись, – он отвернулся, всматриваясь в ночной пейзаж. – Я понял, как вечер тебя вымотал и не стал будить.

Лунный свет скользил по его профилю, подчеркивая резкие скулы и усталую линию рта. Даже в сумраке виднелись темные круги и складка между бровей – он тоже был измотан. Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони, борясь с желанием сгладить эти морщины, просто коснуться его. Чтобы заглушить порыв, я спросила:

– Что это за место?

– Мое. – Уголки его губ дрогнули в слабой улыбке. – Прихожу сюда, когда нужно остаться одному.

– Наверное, другим девушкам тут нравится, – слова слетели с языка против воли. Я резко отвернулась, пряча внезапный приступ ревности.

Диск луны отражался в неподвижной глади воды, но ветерок поднял рябь, и дорожка света заколебалась, рассыпавшись на тысячи серебряных осколков. Прямо как я сама. Привычка держать все под контролем – жизнь, каждую эмоцию – безнадежно трещала по швам.

В небе уже всюду горели яркие звезды. Облаков почти не было. Эта ослепительная красота казалась жестокой насмешкой. Слишком романтично, слишком интимно для нас двоих, разбитых и запутавшихся.

Я не надеялась на ответ, но Кэл выдохнул:

– Ты первая, кого я сюда привез.

От его слов предательское сердце пропустило удар, дыхание перехватило, а в ушах зазвенело. Я уткнулась лбом в холодное стекло пассажирского окна в надежде обрести якорь, пока мои мысли неслись в галоп.

Передо мной расстилалась небольшая бухта, окруженная темными базальтовыми скалами. Вдали мерцал одинокий маяк, его свет пульсировал в такт моему учащенному сердцебиению. Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Легкие наполнились смесью его запаха – табака, мяты и чего-то неуловимого – с влажным дыханием ночной реки.

– Что тебе снилось? – вопрос прозвучал так тихо, что его почти заглушил шум ветра.

Я плотнее закуталась в пиджак, пытаюсь согреться и прогнать остатки кошмара. В памяти не осталось конкретных образов, но ощущение чего-то темного, липкого и ужасающего все еще цеплялось за меня.

– Пустяки, – голос предательски дрогнул.

– Ты дрожишь...

Раздался мягкий шелчок, и поток теплого воздуха из печки окутал лицо. По коже побежали мурашки – не от резкой смены температуры, а от этой внезапной, непрошенной заботы, которая ранила больше, чем любое равнодушие. Облака затянули небо, словно дарили нам это уединение пряча даже от звезд. Я сглотнула комок в горле, пытаюсь вернуть себе хоть каплю самообладания.

– Зачем тебе это? – прошептала я.

Мы повернулись одновременно. Лунный свет выхватывал из полумрака его острые черты, на которых читалось неподдельное замешательство. Этот человек был ходячим противоречием: то появлялся как рыцарь на белом коне, то отталкивал ледяным «Прости», то снова возникал из ниоткуда, принося с собой хаос и невыносимое тепло.

– Я не просила твоей помощи... – начала я, но он перебил, и на его скулах выступили напряженные желваки:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.